

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

Любовь на Рождество

ШАРМ

Лесия Корнуолл

Любовь на Рождество

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Корнуолл Л.

Любовь на Рождество / Л. Корнуолл — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-093415-7

Прекрасная Алана Макнаб и шотландский лэрд Иан Макгилливрей страстно полюбили друг друга, после того как отважный горец спас красавицу от гибели, – и чем дольше девушка гостит в отрезанном от мира снежной бурей замке своего спасителя, тем сильнее становится их взаимное чувство. Однако брак между ними невозможен – Алана обручена с богатым маркизом, которого едва знает, а Иан должен жениться на английской кузине, ненавидящей Шотландию. Скоро закончится буря – и влюбленным предстоит расстаться навеки. Однако близится Рождественская ночь – время, когда на земле действительно совершаются чудеса...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093415-7

© Корнуолл Л., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лесия Корнуолл

Любовь на Рождество

Lecia Cornwall

Once Upon a Highland Christmas

© Lecia Cotton Cornwall, 2014

© Перевод. У. В. Сапцина, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Пролог

Замок Крейглит, за девятнадцать дней до Рождества

– Смелее, Фиона, сейчас самое время для волшебства, – подбодрила леди Элизабет Карри свою шотландскую кузину, стоя рядом с ней на коленях перед камином в библиотеке. Она вложила в руку Фионы Макгилливрей пучок сухих трав – точно такой же, как держала сама. – Видишь? Вот, оберни пучок прядью своих волос, произнеси заветные слова и бросай в огонь!

Фиона с сомнением посмотрела на серые листья у себя на ладони и наморщила нос, уловив их пранный запах.

– Думаешь, поможет? Я ведь не англичанка. И потом, от чародейства можно ждать чего угодно. Старая Энни говорит...

– Старая Энни! – пренебрежительно перебила Элизабет. – Что она понимает в настоящей любви? Ей ведь без малого сотня лет от роду!

Фиона бросила взгляд на дверь, но та была закрыта.

– У Энни есть дар, – шепотом возразила она. – В магии она разбирается как никто другой. Однажды я видела, как она вылечила овцу одним только...

Элизабет фыркнула.

– Одно дело – овцы и совсем другое – любовь. Ну, решайся. Узнать правду не повредит, – она вынула из кармана портновские ножницы и вопросительно вскинула брови.

Фиона всмотрелась в лицо нетерпеливой кузины, на котором лежал золотистый отблеск пламени. В дальних углах комнаты сгущались тени подступающего зимнего вечера. В декабре темнело рано, а Энни предсказывала, что в этом году зима будет необычно ранней.

– А может, нам надо было уйти в лес, развести костер и устроить пляски вокруг него? – спросила Фиона, сидя неподвижно, как статуя, пока Элизабет осторожно срезала один из ее локонов.

– Снаружи очень холодно! – запротестовала Элизабет. – Чем камин хуже костра?

– А разве он подходит для чародейства? Энни говорит, творить чары надо как полагаются, иначе быть беде, – напомнила Фиона. Элизабет нахмурилась было, но морщинки у нее на лбу тут же разгладились.

– Да какая тут может быть беда? Мы же не черной магией занимаемся. А для нашего чародейства надо всего лишь собрать травы в день летнего солнцестояния, высушить их, перевязать прядью волос и сжечь в день святого Николая. То есть сегодня! И если слова, которые ты произносишь, исходят от самого сердца, тогда твое желание сбудется.

Фиона крепче сжала пальцы, и аромат лаванды усилился, заглушая запах горящего торфа, которым топились камин. В пригоршне лаванды и вправду не было ничего дурного. Тем не менее Фиона сомневалась.

– Ты первая, – наконец предложила она.

Элизабет бросила свой пучок в огонь.

– Яви мне мою истинную любовь, приведи его ко мне на Рождество! – с жаром воскликнула она. Пламя накинулось на ее подарок, зашипело, вспыхнуло и вмиг поглотило его.

Девушки придвинулись к камину, всматриваясь в огонь в поисках таинственного знака.

– Видишь что-нибудь? – шепнула Фиона.

Элизабет присмотрелась, сощурив глаза.

– Ничего, что можно было бы по ошибке принять за истинную любовь... Бросай свой.

Фиона обернула травы локоном, перевела дыхание и бросила пучок в самое сердце пламени.

– Яви мне мою истинную любовь, приведи его ко мне... – Она прервалась. – А почему обязательно на Рождество? Может, лучше к весне или даже к следующему лету?

Огонь сожрал второе подношение, и Элизабет досадливо вздохнула.

– Ну вот, уже сгорел, жди теперь весны.

Снаружи вдруг завыл ветер, задребезжали стекла в оконных рамах. Вихри ринулись под дверь и в трубу, разом выстудив комнату. Словно поперхнувшись, дымоход жадно втянул пламя, и оно затрещало, вспыхнуло, взвилось столбом и распалось на множество искр, ослепительно-ярких на фоне копоти, недолго померцавших и унесенных ледяным дыханием ветра. Огонь тяжело вздохнул и присмирел, притих, лишь время от времени нервно выпускающая длинные языки.

Девушки переглянулись, широко раскрыв глаза.

– Что это было? – спросила Элизабет. – Что это значит?

Снаружи вновь дико и пронзительно завыл ветер. Фиона поплотнее закуталась в шаль и встала, чтобы зажечь свечи и наконец загнать тени в дальние углы, за кушетку и кресла. Элизабет бросилась к окну.

– Ну и ну, как же переменчива погода здесь, в горах Шотландии! Ведь только минуту назад никакого снега и в помине не было, верно?

Фиона повернулась к окну. Снегопад и впрямь начался внезапно, и теперь крупные белые хлопья бешено неслись на фоне темного ландшафта, устремляясь к замку, в ледяной ярости бросались на его окна и каменные стены, царапали их, словно когти злобной твари, рвущейся внутрь. У Фионы сжалось сердце. Всего час назад на небе не было ни облачка. Она снова оглянулась на камин, но огонь в нем горел мирно, как прежде, не замечая, что за окнами разбушевались стихии. Фиона судорожно сглотнула. Сухие травы, чары... нет, этого просто не может быть.

Элизабет смотрела в окно не отрываясь, словно замороженная усиливающейся метелью.

– Этот снег – прямо рождественское волшебство! Смотри, сад уже почти весь занесло!

Фиона села рядом с кузиной. Первый снегопад – неизменно прекрасное и волшебное зрелище, чарующее людей так, словно с прошлой зимы они умудрились забыть, как выглядит снег. Наверное, так и есть.

Она смотрела в окно, загипнотизированная изощренным танцем снежных хлопьев в воздухе.

«Яви мне мою истинную любовь, приведи его ко мне на Рождество...»

За древними стенами Крейглита искры из камина закружились вместе со снежинками в иступленном вальсе, облетая заостренную башню в сгущающихся сумерках раз, другой, третий.

И унеслись прочь над вересковыми пустошами, догоняя ветер.

Глава 1

Крейглит-Мур, за девятнадцать дней до Рождества

Как это все-таки ужасно – замерзнуть насмерть накануне собственной свадьбы!

Алана Макнаб огляделась по сторонам и поняла, что заблудилась. И, что самое страшное, внезапно началась метель. Меньше часа назад – или все-таки двух? – небо было чистым, хоть и свинцово-серым, и Алана блуждала по холмам, припорошенным едва заметным снежком, нежным, как сахарная пудра на свадебном пироге. И вдруг из-за горного хребта с невиданной свирепостью взметнулись снег и ветер, заволокли землю и небо, накинулись на Алану, словно разбойники, задумавшие злодейства.

Резкий порыв ветра сорвал с ее головы капор и унес прочь, отхлестал Алану по щекам, опутал ноги плащом так, что она не могла ступить ни шагу, и продолжал гнать вперед.

Привычные ориентиры исчезли под плотным белым покровом, Алана в первый раз смутно ощутила подступающий страх. Она всего лишь собиралась прогуляться по холмам, подумать, проветрить голову и осознать наконец, что случится завтра. В замке Дандрум уже висит в гардеробной приготовленное к свадьбе платье – нарядное, бледно-голубое. Кухарки сбиваются с ног, выпекают кексы и пироги к свадебному завтраку. Мать Аланы прихорашивается у зеркала, убеждаясь, что ее собственный наряд, сшитый к свадьбе, выглядит безупречно. И жених, маркиз Мерридю, уже в пути.

Он прибудет в замок Дандрум сегодня же днем, и долг Аланы – встретить его. Она снова посмотрела по сторонам, на побелевший мир. Встревожится ли ее жених, если она опоздает? Вдохнув, она ощутила, как ветер вырвал дыхание из ее легких, заморозил его на губах, и поняла, что и вправду сильно опоздает. Маркиз Мерридю наверняка будет раздосадован... или рассердится, или испугается. Алана понятия не имела, как поведет себя жених, с которым она была едва знакома. Она повернулась, и ветер повернул вместе с ней, облетел вокруг, схватил в объятия и отказался отпускать. Может быть, если она просто вернется туда, откуда пришла, то окажется дома раньше, чем ее исчезновение успеют заметить. Вот только откуда она пришла?

Снег был таким белым, что слепил глаза. От ледяного воздуха стыли ноздри и горло. Алана понятия не имела, куда бредет.

Ее мать наверняка встревожится, но сначала рассердится на среднюю дочь за то, что та ушла из дома. Тетя Элеонора будет вышагивать из угла в угол, стуча тростью по плиткам пола и с нетерпением ожидая возвращения Аланы. Ее младшая сестра вообразит себе наихудшее, как будто можно представить себе что-то похуже уже случившегося. Родные начнут перешептываться, уверяя друг друга, что Алана обычно не поддается необдуманному порыву, поэтому ее исчезновение выглядит настолько возмутительным.

Ее брат Алек с женой и старшая сестра Меган не собирались на свадьбу. Поэтому о пропаже Аланы они узнают не скоро. Вряд ли Алеку вообще известно о спешных приготовлениях к свадьбе, а сестра Аланы, поселившаяся в Англии, недавно вышла замуж и пребывает в счастливом неведении. Алане остро не хватало общества Меган, но если Меган решила... впрочем, об этом лучше не думать. Что сделано, то сделано, и Меган, по крайней мере, счастлива. Безумно счастлива.

Хоть кто-то из них.

Алана крепче сжала на шее края капюшона, чтобы буря не сорвала его. Ветер пробирався сквозь тонкую кожу ее перчаток, превращая пальцы в неподвижные обрубки. Ступни леденели в коротких сапожках, предназначенных для прогулок в теплую погоду, холод пробирался под плащ исподтишка, как вор. Никогда еще Алане не было так холодно, как сейчас.

Далеко ли еще? Неизвестно, куда она забрела. Помнится, она прошла через сад, вверх по узкой долине, мимо озера и развалин древнего замка Глен-Дориан. Потом поднялась по крутой тропе и на миг застыла, ошеломленная открывшимся видом. Холмы расстилались перед ней, водопад выплескивался в долину и выглядел на фоне бурого ландшафта серебристым кружевом, подобным фате невесты. Поспешно отогнав эту мысль, Алана отвернулась, двинулась дальше и продолжала идти, даже когда ей следовало бы уже повернуть обратно. Неужели в тот момент и начали сгущаться тучи? Рокот водопада остался позади, когда она достигла вересковой пустоши. В то время ветер уже был резким, но еще благосклонным, очищающим.

А теперь от его недавней доброты не осталось и следа. Ветер стал злым и беспощадным. Алану охватила паника. Может, если она приглядится как следует, то различит сквозь снегопад замок Дандрум и за несколько минут благополучно вернется домой. А если нет, тогда кто-нибудь выйдет встречать ее. Алана с надеждой взглядела в белую пелену метели, ожидая увидеть темный силуэт спасителя, но, увы, вокруг не было ни души. Она подавила разочарованный вздох.

Как глупо! Ведь она нарочно ушла из замка, никого не предупредив. Мама остановила бы ее, напомнив, что до приезда лорда Мерридю осталось слишком мало времени. Элеонора настояла бы, чтобы кто-нибудь сопровождал Алану на случай... да, как раз на такой случай, как этот. Младшая сестра Сорча захотела бы пойти с ней, но болтала бы без умолку, а Алане хотелось поразмыслить. Вот только не было смысла в ее размышлениях. Ей не спастись. Ни от свадьбы, ни от метели.

Ох, как же ей холодно! Снег забивался в сапожки, таял внутри и вымораживал щиколотки, словно глодал кожу острыми ледяными зубками. Далеко ли еще? Если буря разразилась так внезапно и с такой яростью, наверняка она так же стремительно и пройдет. Алана прислушалась, не притихли ли завывания ветра, но они по-прежнему были пронзительными. Заморгав, она ощутила тяжесть снега, налипшего на ресницы, смахнула его и удержалась от острого желания расплакаться: слезы не помогут, только застынут на лице.

Она упрямо брела вперед. Спасение совсем рядом, за ближайшим холмом... а может, она уже в долине? Неизвестно. Плащ покрылся ледяной коркой, подол затвердел и царапал ноги, цеплялся за чулки и рвал их. Страх нарастал злее прежнего, сдерживать панику стоило немалых усилий. Судорожно схватив ртом воздух, Алана почувствовала привкус снега, холод вторгся в ее легкие, свернулся тяжелым морозным комком в животе. Летящий снег бил в лицо с такой силой, что отчаянно хотелось закрыть глаза.

Мир вокруг стал мутно-белым, словно полотно.

Или саван.

– Эй! – позвала Алана. Ветер подхватил ее крик и унес прочь. – Кто-нибудь! – взмолилась она. Этот возглас тоже потонул в завываниях ветра. Пригнувшись, Алана с трудом делала шаг за шагом, снег скрипел под ее ногами, ветер трепал одежду.

Глубокий овраг она не заметила. Все вокруг было белым-бело, и вдруг она почувствовала, как клонится куда-то вбок, заскользила и, не удержавшись, покатилась по замерзшему склону. От резкого удара обо что-то острое и твердое она вскрикнула, и ее падение прекратилось. Боль пронзила колено, наполнила тело мукой, сделала сбивчивым дыхание, сердце судорожно заколотилось в груди. Под свежевыпавшим снегом притаились острые камни. Там, где Алана сбила с них снег, они торчали, словно обломки зубов. Хорошо еще, она отделалась лишь ушибом колена. «Повезло», – подумала – Алана.

Оцепенев от потрясения и боли, она лежала неподвижно и смотрела в небо, такое же белое и бездушное, как земля. Потом попыталась дотянуться до левого колена, от которого волнами расходилась боль, но замершие пальцы не слушались. Поднеся руку к глазам, Алана увидела на перчатке кровь и с трудом сглотнула.

Значит, еще и поранилась. Или сломала ногу? Алана попыталась шевельнуть ногой, ощутила мгновенную вспышку боли и невольно вскрикнула. Мир вокруг из заснеженного стал слепяще-белым. К груди волнами подступал истерический смех. Теперь свадьбу наверняка отложат. Или в свою первую брачную ночь она будет изранена и безобразна? Краткий проблеск радости угас. Уже не в первый раз за последние дни она попыталась представить Мерридю в ее постели, вообразить, как соприкасаются их тела. И не почувствовала ничего, кроме ужаса.

Встать – вот что от нее требуется, встать и идти. Стиснув зубы, Алана попыталась подняться. От нового взрыва боли у нее перехватило дыхание, и она повалилась на спину. Наверное, она и вправду ушиблась сильнее, чем ей показалось поначалу, и вдобавок увязла в глубоком сугробе. Значит, придется выбраться из него, любой ценой встать на ноги и продолжать путь. Алана огляделась, пытаясь понять, где находится, но вокруг не было ничего и никого. Все исчезло. Она прикусила губу, борясь со слезами, прижала ладонь к сердцу, чтобы прогнать ужас, угрожающий задушить ее. Ей так холодно, она невероятно устала.

Она снова легла на спину. Ей нужна всего одна минута отдыха, а потом она встанет и отыщет дорогу домой. С небес к ней спускались снежные хлопья, серебристые на белом фоне, притягивающие взгляд. Их прикосновение к коже казалось легкой щекочущей лаской. Алана закрыла глаза.

Она полежит вот так всего минутку, чтобы перевести дух. А потом встанет и найдет дорогу домой.

Глава 2

Замок Крейглит

Фиона засмотрелась в окно и нахмурилась, удивляясь ярости снега, подхваченного ветром. Он явился непрошеным гостем со стороны пустошей, обрушился на внешние укрепления и башни, и только стены и окна внутренних строений замка остановили его. Прочные каменные стены вздрагивали под натиском, но держались.

Что творится за стеной, окружающей сад, Фиона разглядеть не могла. Метель как будто смела с лица земли все, что на ней было, оставив один лишь замок Крейглит.

Зябко поевшись и плотнее запахнувшись в шаль, Фиона наклонилась к окну и подышала на быстро покрывающееся морозными узорами стекло. Ее брат Иан, лэрд¹ Крейглита, уехал из дома незадолго до начала бури – повез приготовленное Энни снадобье Илле Макгилливрей, мучающейся болью в суставах. Зная своего брата, Фиона ничуть не сомневалась, что он не вернется, пока не убедится, что на землях между домом Иллы и замком царит порядок и никто не нуждается в помощи, которую способен оказать только хозяин поместья. К своим обязанностям хозяина Иан относился ответственно – гораздо серьезнее, чем к собственным нуждам. Он был готов снять с себя последнюю рубашку, если бы увидел, что она нужна другому. Фиона надеялась лишь на то, что сегодня, в метель, Иан воздержится от подобных поступков.

Иан покинул бы дом, даже если бы знал о надвигающейся метели: он ни за что не остался бы под защитой прочных стен, если бы знал, что кто-то ждет от него помощи. Но вскоре людям клана Макгилливреев придется обходиться без внимательного хозяина: его, нового графа Пембрука, ждут другие, более важные дела и заботы. С Фионой Иан об этом не заговаривал, но она видела, что он обеспокоен, не зная, справятся ли без него местные жители, когда он переселится на юг, в английский Шропшир.

Фиона оглянулась на кухню: Элизабет со скуки задремала у огня, уронив на колени раскрытую книгу и ни о чем не беспокоясь. Она понятия не имела, как страшно Фионе: за Иана, попавшего в метель, за его будущее в Англии, за то, как ее брат выдержит новую бурю, с которой неизбежно столкнется здесь, в стенах Крейглита.

Она снова повернулась к окну, высматривая вдалеке фигуру брата, спешащего верхом к замку, но торфяная пустошь была безлюдна. В сущности, для беспокойства нет причин. Любой житель округи почтет за честь предложить ее брату горячий ужин, глоток виски и постель, чтобы переждать метель. Так предписывали шотландские традиции – неважно, незнакомец постучался в дверь или всем известный лэрд Иан Макгилливрей. Однако нынешняя метель была не похожа на другие. Снежные хлопья сверкали, как кристаллы, и ветер бормотал что-то неразборчивое, словно колдовал, оплетал замок заклинаниями.

Дверь библиотеки открылась, и Фиона вскочила, надеясь, что вернулся Иан. Но при виде сестры Элизабет, Пенелопы, у Фионы упало сердце. Двухлетняя Пенелопа прошествовала к камину, чтобы согреть руки, удостоила Фиону единственным пренебрежительным взглядом и недовольно уставилась на Элизабет.

– Чем это вы тут занимаетесь? – поинтересовалась Пенелопа, подозрительно прищутив голубые глаза.

– Сейчас уже ничем. Мы попробовали наколдовать себе любовь, но у нас ничего не вышло, – ответила проснувшаяся Элизабет, села и достала из кармана еще один пучок трав, который протянула сестре так, как пыталась бы угостить яблоком норовистую лошадь, спо-

¹ Лэрд – землевладелец, помещик в Шотландии (*Здесь и далее прим. пер.*).

собную укусить. – Может, и ты попробуешь, Пен? Я приберегла травы и для тебя. Обвяжи их прядью своих волос и произнеси заклинание.

– Какое еще заклинание? – Пенелопа нехотя приняла у сестры пучок трав и повертела его в руке. Потом понюхала и поморщилась.

– Ты должна произнести: «Яви мне мою истинную любовь, приведи его ко мне на Рождество!» – воодушевленно воскликнула Элизабет.

Пенелопа небрежным жестом уронила пучок на – ковер.

– Какая чушь! – Она поправила свои роскошные белокурые локоны. – Ради этого лишаться пряди волос? Я уже знаю, кто моя истинная любовь, и сейчас мой избранник здесь. Мне незачем дожидаться святка.

Фиона незаметно скрестила пальцы за спиной.

– Значит, мой брат уже сделал тебе предложение?

Пенелопа вспыхнула и надменно вскинула голову.

– Нет, но за ним дело не станет, и произойдет это задолго до Рождества. Мы с Ианом поженимся в Англии будущей весной, и я стану молодой графиней Пембрук.

Фиону вновь окатила волна ужаса. Выйдя замуж за Иана, Пенелопа станет также хозяйкой Крейглита. Бедный Иан, бедный Крейглит! Когда Пенелопа отвернулась к камину, Элизабет нагнулась, подняла с ковра пучок трав и с вызывающим видом сунула обратно в – карман.

Фиона задумалась: существует ли заклинание, способное увести кого-нибудь из замка на Рождество? Лучше бы ее английская родственница вообще не приезжала в Шотландию. Впрочем, Фионе нравилась Элизабет, веселая и не такая язвительная, как ее мать и старшая сестра.

Послушать тетю Марджори, так женитьба на Пенелопе – самый разумный шаг, какой только мог бы совершить Иан. Ведь он шотландский лэрд, всего-навсего шотландский лэрд, значит, с точки зрения Марджори, совсем не ровня англичанам. Но недавно двоюродный дедушка оставил Иану в наследство английское графство Пембрук, и как только разнеслась эта удивительная новость, в замок нагрянула тетя Марджори с дочерьми. Они прибыли в Крейглит в шикарной карете с гербом Пембрука, столпились на пороге, жалуясь на шотландские запахи, холод, вонь и ветхость самого замка, и с места в карьер потребовали доложить о них графу Пембруку. Домочадцы не сразу поняли, что гости имеют в виду Иана.

При виде Иана леди Марджори и ее дочери опустили в глубоком реверансе. «Они приехали помочь», – объявила Марджори, одарив Иана улыбкой, напомнившей Фионе жуткий оскал чучела дикой кошки, украшавшего древний зал замка. Марджори пообещала обучить Иана всем английским манерам и обычаям как раз к тому времени, как он отправится на юг, чтобы принять наследство. Сказано все это было таким тоном, словно Иан понятия не имел о правилах приличия. Когда Иан представил ей Фиону, Марджори едва удостоила ее взглядом. Только объявила, что вышколенная английская гувернантка в скором времени сделает из Фионы настоящую юную леди, хотя с ее злополучной хромотой уже ничего не поделаешь. До приезда тети Марджори хромоту Фионы никто не считал злополучной.

Фиона вовсе не желала, чтобы кто-то делал из нее настоящую леди, и была убеждена, что у Иана прекрасные манеры. Другого такого же доброго, умного и смелого мужчину не знала не только она, но и никто из обитателей Крейглита.

Позднее, за ужином в первый же вечер после приезда, тетя Марджори предложила Иану жениться на Пенелопе – точнее, принялась настаивать на этом. Пенелопа станет ему поддержкой и опорой, из нее получится идеальная графиня, ведь она выросла в Вудфорд-Парке – величественном главном поместье графа Пембрука. Сама Пенелопа только трепетала длинными, густыми золотистыми ресницами и мило улыбалась Иану. Выслушав Марджори, Иан долго молчал – он принадлежал к числу мужчин, которые тщательно обду-

мывают каждое свое слово и поступок. Ему хватило такта и здравомыслия предложить прежде узнать друг друга получше – вдруг Пенелопа обнаружит, что он не годится ей в мужа? О том, понравилась ли ему самому Пенелопа или нет, он умолчал, и хранил на лице настолько непроницаемое выражение, что даже Фиона не поняла, какого Иан на самом деле мнения о своей жеманной кузине. И даже сейчас, по прошествии двух недель после прибытия Пенелопы, Фиона по-прежнему терялась в догадках. Разумеется, Иан был безукоризненно вежлив с гостями, но долгожданного предложения до сих пор не сделал.

Это промедление доставляло все больше и больше неудобств. Пользуясь каждым маломальски подходящим случаем, тетя Марджори подталкивала к Иану Пенелопу, раздетую как принцесса, невинно хлопающую ресницами и выставляющую напоказ пышную грудь. В холодное время года в Шотландии ей не следовало бы рядиться в настолько открытые платья.

– А по-моему, у Иана уже было предостаточно времени, чтобы сделать предложение. Может, он просто не хочет, – заявила Элизабет сестре. Пенелопа порывисто шагнула к ней и дернула ее за волосы.

– Само собой, он сделает мне предложение! Отчего же нет? – Она метнула острый взгляд в Фиону, которой хватило ума промолчать. – Ведь я обворожительна. В меня влюбляется каждый мужчина, стоит ему только меня увидеть. Иан тоже влюбится. Вот увидите, он еще упадет к моим ногам и будет умолять стать его женой.

– Ну и когда же? – осведомилась Элизабет, благоразумно отступив подальше от сестры, которую решила подразнить.

«Никогда», – мысленно помечтала Фиона.

– Очень скоро, – заверила Пенелопа, кутаясь в модную кашемировую шаль. – Подбрось лучше топлива в огонь. В этом жалком подобии замка всюду сквозняки. Должно быть, в стенах дыры величиной с мою голову.

«Голова у нее тверже любого из камней, из которых сложены стены замка», – подумалось Фионе. Пройдя по комнате, она подбросила в камин еще торфа, поскольку в шотландских домах гостей чтили и заботились о них, даже если ответной доброты от них не видели. По мнению Фионы, Иан не смог бы выбрать жену хуже Пенелопы Карри, а он заслуживал самой лучшей супруги, такой же доброй, заботливой и отважной, как он сам.

Не удержавшись, Фиона пустила пробный шар.

– А что ты подаришь Иану на Рождество, Пенелопа? – спросила она. – Может, твой подарок убедит его, что ты – лучшая дев... то есть леди, какую он только сможет найти.

– Подарю на Рождество? – Пенелопа изумилась. – Значит, в Шотландии вы делаете друг другу подарки?

– Да, и дарим их.

– А он мне тоже что-нибудь подарит? – спросила Пенелопа.

Фиона приподняла брови.

– Рождество – это прежде всего подарки, по крайней мере здесь, в Шотландии.

Пенелопа вскинула подбородок.

– Ну и что же тогда ему понравится?

– Какой-нибудь дар от всего сердца, – объяснила Фиона, твердо убежденная, что сердца у Пенелопы нет.

– То есть? – Пенелопа хмурилась.

Прикусив язык, Фиона только улыбалась. Если Пенелопа до сих пор ничего не поняла, если даже ни разу не поговорила с человеком, за которого собиралась замуж, и не узнала, что он любит, а что нет, тогда Фиона ничем не могла ей помочь, да и не хотела. Сама она вязала брату шарф из шерсти, которую вычесала, спряла и покрасила. Иан тоже каждый год собственноручно готовил Фионе подарок – обычно вырезал что-нибудь из дерева.

Дверь снова открылась. Фиона с надеждой вскинула голову, но увидела на пороге старую Энни.

– Неужто в Шотландии слуг не приучают стучаться? – осведомилась Пенелопа.

– Неужто в Англии молодежь не уважает старших? – парировала Энни и сверлила гостью взглядом до тех пор, пока та не отвела глаза.

Энни принялась.

– Чую таволгу, лаванду и тысячелистник, – объявила она, пригвоздив Фиону к месту пронзительным взглядом. – На что колдовали? – спросила она на гэльском языке.

– На любовь, – ответила Фиона.

– Для этой? – Энни повела глазами в сторону Пенелопы.

Фиона покачала головой.

– Для Элизабет и меня, – объяснила она, и Энни усмехнулась.

– Для этого ты еще слишком молода, девочка. – Она посмотрела в сторону камина. – И что же ты видела?

– Вообще-то ничего. Искры, – ответила Фиона, и Энни подошла к камину, чтобы заглянуть в него.

– Говори по-английски и подбрось еще торфа в огонь, если уж стоишь там, – распорядилась Пенелопа, но Энни пропустила ее слова мимо ушей.

– Только искры? Что-то вызвало метель, – продолжала по-гэльски Энни. – Я не заметила, что она приближается, и у Сэнди локоть не болел так, как болит обычно к перемене погоды.

Она стояла так близко к огню, что его отблеск оживлял приглушенные цвета клана Макгилливреев – оранжево-красный, бирюзовый и зеленый – на старинном шотландском платье «эйрисейдж», которое она носила. Энни ткнула костлявым пальцем в камин.

– Ага, видишь полосу копоти вон там, у решетки? – спросила она по-английски. Элизабет поспешила подойти, чтобы тоже взглянуть.

– Это знак? – ахнула Элизабет. – Знак истинной любви?

– Это значит, что мы ждем гостей, – объяснила Энни. – И довольно скоро.

Пламя отражалось в глазах Энни, словно полыхало у нее внутри. Фиона заглянула в эти блестящие глаза, и предчувствие неведомого наполнило ее страхом и трепетом.

– Этот снег приведет кого-то к нашему порогу, – объяснила Энни, отходя от камина и направляясь к окну. Она нахмурилась. – Иан с самого утра в отъезде. Я велела ему возвращаться не мешкая, но скоро уже стемнеет, а его все нет дома. – Энни устремила взгляд на убеленный снегом безлюдный парк, и у Фионы сердце от испуга чуть не выскочило из груди. Метель так разыгралась, и если тревожится не кто-нибудь, а сама Энни...

Но старуха с усмешкой обернулась к ней:

– Незачем бояться, Фиона. Я же вижу: с лэрдом ничего не случится. Иан знает здешние холмы, как свои пять пальцев. Он найдет укрытие, чтобы переждать метель, и она не причинит ему вреда.

Но Фиона знала, как легко заплутать среди пустошей зимой, сбиться с пути и забрести далеко от дома. А если все привычные глазу веки занесло снегом... Об этом Фиона даже думать не хотела. Энни пожала ей руку узловатыми, но неожиданно сильными пальцами.

– Можешь спать спокойно, детка. Все будет хорошо, – успокоила она, впиваясь взглядом в Фиону.

– А когда будет готов ужин? Мы можем рассчитывать хотя бы на чай? – осведомилась Пенелопа. Энни метнула в нее пронзительный взгляд, но Фиона успела пожать ей руку раньше, чем с языка Энни сорвался уже вертевшийся на нем колкий ответ. Фиона задумалась, способна ли Энни превратить Пенелопу в тритона или жабу – вот был бы подарок Иану на Рождество! При этой мысли она невольно улыбнулась.

– Пойдем, Энни, я помогу вам с Шона приготовить ужин, – предложила она.

– В Англии леди не помогают слугам, – бросила им вслед Пенелопа.

Фиона сухо улыбнулась ей.

– Не знаю, заметила ли ты, кузина, но мы в Шотландии и, скорее всего, пробудем здесь, пока не растает снег.

В ответ на нее посыпался град возгласов недовольства и упреков, но Фиона быстро закрыла дверь, а Пенелопа и Элизабет бросились к окнам, смотреть на бушующую метель.

Глава 3

Крейглит-Мур

Иан Макгилливрей подтянул свой плед повыше, прикрывая лицо от ветра. Снег острыми иглами впивался в кожу, буря неумолимо усиливалась. Странно, что такой перемены погоды он не предвидел. С утра небо было ясным, только сам Иан ходил мрачнее тучи. Через торфяные пустоши Крейглит-Мур он ехал верхом, погружившись в невеселые размышления, и не заметил, как над холмами сгустились свинцовые тучи, перевалили через гребень, распространились по другую сторону от него, и небо вдруг стало низким и словно обрушилось на Иана всей своей тяжестью, не давая вздохнуть.

Верный шотландский пони Иана – конь породы, которую здесь называли «гаррон», – упрямо брел сквозь снег, устремляясь к дому и теплой конюшне, но до замка оставалось еще больше часа пути – слишком далеко, да еще в такую погоду, когда немудрено заплутать среди заваленных снегом холмов. Привычные вехи исчезли из виду, дневной свет больше напоминал сумеречный. Вскоре тьма поглотит последние знакомые очертания.

До коттеджа Юэна Макгилливрея было ближе, но Иан знал, что там некому оказать ему радушный прием. Прошлой весной Юэн умер, и с самых похорон коттедж стоял опустевший. Впрочем, это как-никак крыша над головой, место, где можно переждать метель. Упускать такую удачу не следовало.

Нет худа без добра: непогода означала для Иана желанную отсрочку. Тем вечером он собирался сделать Пенелопе предложение, поскольку способа уклониться от него так и не нашел. Иан был готов пойти на такой шаг лишь ради Фионы, а еще потому, что от него этого ждали, но не потому, что любил Пенелопу или хотел взять ее в жены. Он надеялся только на то, что любовь и желание придут со временем.

Завывания бури отдавались у него в ушах, ярость этого воя изумляла Иана, хоть он и вырос в горах Шотландии и провел здесь двадцать семь зим – точнее, двадцать шесть, потому что один год он прожил в Англии. Тогда-то он и решил, что в любую погоду Шотландия ему милее Англии, но теперь выбора у него не было. Его ждали новые обязанности и английский титул, о котором он даже не мечтал.

Сжав пятками тугие бока пони, Иан пригнулся к его шее.

– Теперь уже близко, малый, – вон за тем холмом, – он потрепал верного друга по мохнатой холке, засыпанной снегом. Но пони вдруг шарахнулся в сторону, и Иан подхватил поводья, умиряя его и вглядываясь вперед в попытках понять, что его напугало.

В снегу что-то лежало, красное на белом. Может, останки волчьей добычи? Но в горной Шотландии волки встречались редко, на них так долго охотились, что почти полностью истребили. Отведя край пледа от лица, Иан присмотрелся. Подол какой-то красной одежды трепетал на ветру, словно флаг, и у Иана перехватило дыхание. Он различил очертания человеческой фигуры, наполовину засыпанной снегом, и с замирающим сердцем спешил.

Упав на колени, он коснулся ледяного плеча под плащом. Незнакомый, занесенный снегом, не шевельнулся. Иан нахмурился и повернул к себе неподвижное тело, с ужасом готовясь увидеть кого-нибудь из знакомых.

Сдвинув красный капюшон, он склонился ниже, и ледяной ком у него внутри вмиг растаял. Эту девушку он видел впервые, но мог поклясться, что она прекрасна, хоть и бледна, как лед, с посиневшими от холода губами. Глаза незнакомки были закрыты, длинные заледевшие ресницы касались замерзших щек. Темные волосы обрамляли лицо, мягкие, как шелковая пряжа, запорошенный снегом капюшон не давал им упасть на лоб. Незнакомка была похожа на ангела.

Иан склонился ниже, надеясь заметить хоть какие-нибудь признаки жизни, пощупал жилку на горле и ощутил слабое биение. Попытался позвать, но ответа не дождался. Его пони молча наблюдал за хозяином, заслоняя его от ветра.

Выпутываясь из своего пледа, Иан чувствовал, как ветер холодит тело под курткой. Он закутал девушку в толстый плед, поднял ее, прижал к груди. «Холодна, как смерть», – промелькнула у Иана мрачная мысль. Он огляделся в поисках коттеджа и увидел его – наполовину занесенный снегом, но совсем недалеко, так что можно различить не только очертания крыши, но и одинокое окно, похожее на прищуренный глаз. Иан направился к коттеджу, зная, что пони послушно последует за ним.

– Лучше нам оказаться под крышей, – сказал он коню и незнакомке, словно она могла его услышать. Он снова посмотрел на ее лицо, больше похожее на мраморный рельеф на надгробии, чем на лицо живой женщины. – Откуда же ты взялась, черт возьми? – еле слышно выговорил он.

Пинком открыв дверь коттеджа, Иан внес девушку внутрь, бережно уложил на пол у очага и накрыл пледом. Незнакомка лежала неподвижная, пепельно-бледная и ледяная и казалась совершенно безжизненной. Иан стащил с ее рук тонкие перчатки. Ее пальцы были тонкими и нежными, ногти – лавандово-голубыми от холода. Даже усердно растирая незнакомке руки, Иан не сумел разбудить ее.

Значит, надо поскорее развести огонь и согреть ее.

– Подожди немного, – попросил он, хотя девушка никуда и не собиралась уходить. Иан снова плотнее укутал ее пледом, подумал, снял с себя куртку и на всякий случай накрыл ею незнакомку.

Он выложил в очаг пару поленьев, нашел корзину сухого мха и мелких веток для растопки и раздувал пламя, пока оно не занялось, не окрепло и не озарило пустую комнату, разгоняя по углам чернильно-синие тени.

Затем Иан торопливо отправился на поиски торфа, который наверняка хранился где-то в пристройке под навесом. Своего пони он завел в сарай, стряхнул с густой шерсти животного снег и лед, принес сена. К тому времени, как Иан покончил с этими делами, он уже стучал зубами от холода. Набрав полную охапку торфа и пригибаясь под порывами ветра, он обогнул коттедж и ухитрился открыть дверь, не растеряв свою ношу.

Незнакомка по-прежнему лежала у очага на том же месте, где Иан оставил ее. На фоне яркого пледа ее лицо было белоснежным. Иан подбросил в огонь торфа, пробормотал гэльскую молитву и коснулся кончиками пальцев того места на шее девушки, где слабо билась жилка. Биение едва ощущалось, но все-таки оно было. При тусклом свете очага Иан разглядел под нежной кожей незнакомки тонкие голубоватые вены. Снег на рубашке Иана уже растаял, его начала бить дрожь. В коттедже стоял почти такой же холод, как снаружи. Иан придвинулся ближе к очагу и встал перед ним на ко-лени.

Трясущимися пальцами он подбросил в огонь хворосту и торфа, поминутно оглядываясь через плечо на девушку и всей душой желая, чтобы она выжила, дождалась, когда в доме наконец станет тепло. Раздувая все еще слабое пламя, Иан смотрел, как оно наливается оранжевым сиянием, растет и крепнет, с треском пожирает растопку и дарит тепло и жизнь.

Услышав слабый вздох, он резко обернулся. Неужели это добрый знак? Но лицо незнакомки все еще было неподвижным. Иан коснулся ее щеки, и ему вновь показалось, что он дотронулся до мрамора, а не до человеческой плоти.

– Эй, девушка! – шепотом позвал он и снова не услышал ответа.

Лед на ее волосах и коже начинал оттаивать, льдинки превращались в капельки, сияющие, словно алмазы. Незнакомка будто засветилась в пламени очага, прекрасная и неподвижная, погруженная в сон, столь похожий на смерть.

Иан осторожно снял с нее плед и расстегнул плащ. Под плащом на ней было платье из тонкой шерсти, мягкое и зеленое, как летняя трава, вот только вокруг ворота ткань вымокла и промерзла насквозь – там, где за воротник плаща набился снег. Иан нахмурился, чувствуя, как в сердце вновь закрадывается страх. Как долго незнакомка пролежала в снегу в разгар метели? Если бы он выбрал другую тропу, если бы решил сразу вернуться в Крейглит или взял дюжиной шагов левее или правее... он невольно сглотнул.

– Надо снять с тебя мокрую одежду, согреть, проверить, не ранена ли ты, – забормотал он, хоть и знал, что она не слышит. Обхватив голову незнакомки ладонями, он ощупал череп, проверяя, нет ли на нем припухлостей, порезов, следов крови, но ничего не нашел. Ее волосы выбились из косы, их темные волны заструились между пальцев Иана, как шелк. Невольно затаив дыхание, он принялся расстегивать крошечные перламутровые пуговицы спереди на платье, от воротника до талии. Расстегнув их и отвернув в стороны края платья, Иан помедлил. Но незнакомка не вскочила, возмущенная его дерзостью. Она по-прежнему была неподвижна, и Иан позволил себе обежать взглядом ее грудь. Над отделанным кружевом вырезом сорочки ее кожа казалась голубоватой. Иан бережно приподнял девушку, прижимая к себе, высвободил ее руки из рукавов платья и спустил платье до талии.

Он всеми силами старался смотреть на нее так бесстрастно, как сделал бы врач, но незнакомка была прелестна. Иан ничуть не сомневался, что ее любимый в эту минуту сходит с ума от беспокойства. Бросив быстрый взгляд на ее левую руку, Иан не увидел обручального кольца, но это еще не значило, что она не замужем. Проведя ладонями по ее тонким рукам, Иан не нащупал переломов – ссадин и синяков было множество, но кости целы. Снова убедившись, что жилка на запястье бьется, Иан осторожно сжал пальцы девушки в ладонях и нахмурился, глядя на огонь и досадуя, что он горит не так жарко, как хотелось бы. Положив незнакомку обратно, на расстеленный плед, он ощупал ее ребра, коснулся талии, которую мог бы легко обхватить обеими руками, и вздохнул с облегчением, убедившись в отсутствии опасных ран. Ее нижняя рубашка была сшита из тонкого полотна, отделана атласными лентами и украшена нежной вышивкой белым шелком. Корсета она не носила и не нуждалась в нем. Снова сглотнув, Иан отвел взгляд от ее сосков, темнеющих сквозь ткань. Он сосредоточенно принялся спускать платье по бедрам и ногам, заметил, что насквозь промокшая юбка разорвана и запачкана кровью, и скрипнул зубами, заранее боясь того, что могло предстать его глазам.

При виде левой ноги незнакомки он ахнул: хоть и неглубокая, но длинная рваная рана тянулась через колено, вся нога была в лиловых синяках и еще сочащихся кровью царапинах. Правда, холод не дал распространиться отекам и почти остановил кровотечение. Вино вато взглянув на незнакомку, Иан провел ладонью по ее ноге, и едва задел поврежденное колено, как она еле слышно застонала и свела брови. Он принялся сбивчиво извиняться за причиненную боль, но ее голова снова безвольно запрокинулась, и, пока он ощупывал ногу, проверяя, не сломаны ли кости, девушка не издала больше ни звука. Наконец Иан со вздохом отстранился и вытер лоб. Несмотря на холод, лоб был покрыт испариной. В худшем случае колено вывихнуто. Боль будет адская, когда незнакомка очнется... если очнется вообще.

Иан поспешил отогнать пугающую мысль. Для начала надо промыть и перевязать рану. К тому времени, как девушка очнется, нога уже успеет распухнуть. Иан вспомнил, что у него с собой нет никаких снадобий, чтобы унять боль, – он не ожидал ничего хуже жалоб Иллы Макгилливрей на ноющие суставы. Болеутоляющую мазь Энни он оставил Илле, и теперь ему предстояло помочь раненой незнакомке, не имея под рукой почти ничего. Он развязал шнурки ее сапожек и снял изодранные в клочья, перепачканные кровью чулки. Откуда она, черт возьми? И кто отпустил ее гулять в такую непогоду?

Бережно и заботливо укрыв свою пациентку пледом от бедер до шеи, Иан на время оставил ее, чтобы сходить за снегом. Ветер снаружи яростно налетел на него, первый же

порыв заморозил испарину на коже. Набитый снегом старый чайник покойного Юэна вскоре был подвешен над огнем, и в ожидании, когда вода нагреется, Иан не сводил глаз с незнакомки. Наконец чайник закипел. Продолжая рассыпаться в невнятных извинениях, Иан откинул плед, окунул свой носовой платок в миску с теплой водой и принялся промывать рану. Ткань платка остыла, едва соприкоснувшись с кожей. Действуя быстро и уверенно, Иан смыл кровь, снова смочил и выжал платок и крепко обвязал им колено. Не помешало бы приложить лед, чтобы нога не отекала, но Иан не рискнул, опасаясь окончательно заморозить незнакомку.

Он нахмурился: девушка до сих пор так и не пришла в себя. Огонь уже немного согрел комнату, а ее руки и ноги по-прежнему были бледными, все тело – неподвижным. Иан подбросил еще торфа в огонь и развесил на просушку одежду незнакомки на веревке, протянутой между балками. Потом снова подошел посмотреть, не очнулась ли девушка. Но нет: кожа была все еще мертвенно-холодной, дыхание – неглубоким, сердце билось еле заметно, глаза оставались закрытыми. Иан провел ладонью по ее лбу, похлопал ее по рукам, надеясь привести в чувство, но не сумел.

Иан тяжело вздохнул. Ему оставалось лишь одно.

С судорожно бьющимся сердцем он потянулся к завязкам на вороте своей рубашки и принялся распутывать их.

– Надеюсь, ты не станешь возражать, когда придешь в себя. Поверь, я не из тех мужчин, которые готовы воспользоваться таким случаем в корыстных целях, но мне надо согреть тебя, а другого способа, как сделать это, я не знаю. У нас есть огонь, мой плед и мы сами. И метель разыгралась, а то я сумел бы получше позаботиться о тебе и найти для тебя подходящее общество, но пока... – он стащил через голову рубашку. И не услышал ни удивленных, ни возмущенных возгласов, показав незнакомке обнаженный торс.

Он снял сапоги, поставил их поближе к очагу, рядом с сапожками неизвестной, и принялся расстегивать пуговицы на поясе своих бриджей. А если она очнется прямо сейчас, в эту минуту, и увидит стоящего над ней полуголого мужчину? Наверное, ужаснется и от этого согреется гораздо быстрее. Он отвернулся, постарался раздеться поскорее и со всей скромностью, на какую только был способен, а затем пристроил свою одежду сушиться на ту же веревку, рядом с одеждой девушки.

Наконец Иан откинул плед, скользнул под него, прилег рядом с незнакомкой и вздрогнул от ледяного прикосновения ее плоти. Под пледом он осторожно распустил ленты на ее сорочке, сдвинул с плеч бретельки, снял с нее тонкую ткань, стараясь не смотреть на тело, которое обнажал. Но пальцы касались ее груди, трепетали на плоском животе, пробежали по бедрам. – Иану было незачем видеть ее, чтобы понимать, насколько она красива.

Еще никогда в жизни Иан так не радовался тому, что он джентльмен, хоть и проклинал себя за то, что уродился мужчиной, а незнакомка оказалась красавицей. Он забросил ее сорочку сушиться на веревку, рядом с платьем, и снова нырнул под плед, чувствуя, что начинает замерзать. Девушка была холодна как лед, исходящий от нее холод вмиг заморозил Иана. Стуча зубами, он обнял ее, стараясь не задевать разбитое колено, окружил ее своим теплом, поплотнее завернулся в плед вместе с ней. Его зубы постукивали прямо у нее над ухом, но она ничего не слышала. Иан вздрогнул: неужели ему суждено проснуться, держа в объятиях труп? Будь он проклят, если допустит такое! Он теснее прижался к ней, словно желая передать ей свое тепло и жизнь, уложил ее ледяную щеку к себе на плечо и коснулся пальцами шеи, убеждаясь, что сердце все еще бьется.

– Теперь все уже хорошо, милая. Живи, – прошептал он ей на ухо. – Не сдавайся. Останься со мной.

Ее сердце продолжало биться, тело постепенно теплело и оживало, а у Иана начали слипаться глаза.

За прочными каменными стенами всю ночь бушевала буря. Погружаясь в дремоту, Иан чувствовал, как тело незнакомки теплеет и словно тает, пропитываясь его жаром. Она пошевелилась, прильнула ближе, прижалась ягодицами к его чреслам, а спиной – к его груди. Сонная, она была такой нежной и беззащитной, и все ее изгибы были словно созданы для его тела. Должно быть, в последний раз он проводит холодную зимнюю ночь под пледом, держа в объятиях незнакомую девушку... тело Иана отозвалось на эту мысль, как сделало бы тело любого здорового мужчины, которому посчастливилось обнять обнаженную красавицу в морозную декабрьскую ночь. Иан скрипнул зубами и мысленно пожелал, чтобы возбуждение поскорее утихло, не мешая согреть незнакомку и поддерживать в ней жизнь.

Он прислушался к утробным завываниям ветра, который кружил вокруг прочного каменного коттеджа, словно разыскивая способ проникнуть внутрь. Здесь они в безопасности. Но им обоим предстоит очень длинная ночь.

Глава 4

За восемнадцать дней до Рождества

Алана Макнаб проснулась со страшной головной болью. Все тело ныло. Пахло горячим торфом и сыростью, неподалеку завывал ветер. Вспомнив метель, Алана тут же открыла глаза. И увидела, что находится в маленькой темной комнате, в какой-то хижине, наверное, пастушьей, или коттедже кого-нибудь из арендаторов в Гленлорне. Или она все-таки дома, среди родных и близких? Она осмотрелась, пытаясь понять, где именно очутилась и чей это дом. Потолочные балки над ее головой были черными от времени и копоти, толстостенный глиняный горшок болтался на цепочке, свисая с гвоздя, вбитого в балку. Увиденное ни о чем не говорило Алане – все хижины в округе выглядели одинаково. Она повернула голову, зная, что где-то поблизости должен быть очаг, и...

В двух шагах от нее, у очага, на корточках сидел мужчина.

Огромный и совершенно голый.

Алана уставилась на его гладкую и широкую спину, отметила, как перекатываются под кожей мускулы – незнакомец орудовал кочергой. Взгляд Аланы заскользил вниз по его позвоночнику до пары ямочек чуть выше крепких белых ягодич.

У нее пересохло в горле. Она попыталась сесть, но боль пронзила тело, и комната поплыла перед глазами. Ногу словно охватило пламя, боль была нестерпимой. Алана слабо вскрикнула.

Незнакомец обернулся на звук, взглянул на нее через плечо, и она успела увидеть в отблеске камина высокую скулу и блестящий глаз, мгновенно и широко раскрывшийся от удивления. Не удержав равновесия, незнакомец выронил кочергу и плюхнулся на пятую точку.

– Вы очнулись! – воскликнул он.

Алана в растерянности уставилась на него, распростертого на каменных плитах возле очага, а он ахнул, попытался прикрыться одной рукой и, прежде чем Алана успела зажмуриться, потянул к себе первое, что попало под руку – угол пледа, но Алана вцепилась в плед со своей стороны. Спohватившись, неизвестный сразу разжал пальцы и схватился за ближайшую одежду, свисающую с веревки над его головой, – этой одеждой оказался красный плащ Аланы. Неловко обернув его вокруг талии, незнакомец одновременно поднялся и теперь возвышался над Аланой в своем импровизированном килте, придерживая его пальцами с побелевшими от напряжения суставами. Он густо покраснел. Алана отвела взгляд и подтянула плед повыше, кутаясь в него по самый подбородок.

– Вижу, вы пришли в себя, – продолжал незнакомец, не сводя с нее взгляда. Его голос теперь звучал на октаву ниже. – Как вы себя чувствуете?

Как она себя чувствует? Алана попыталась понять, что с ней, вспомнить, как попала в эту хижину, чьей бы она ни была. Ей припомнилось, как она заблудилась в метель, потом упала. Увидела кровь на перчатке... Она нахмурилась. Все, что было потом, она не помнила.

Девушка осторожно сдвинулась с места на своем ложе, и в глазах у нее потемнело, тело пронзила режущая боль, исходящая от колена. Алана судорожно втянула в себя воздух и замерла, пережидая приступ.

– Не шевелитесь, – сказал незнакомец, протянул руку с растопыренными пальцами, но не коснулся Аланы. Он вдруг усмехнулся, сверкнув белоснежными зубами, и в его глазах мелькнуло отражение пляшущих в камине языков пламени. – Я нашел вас в снегу. И боялся, что... впрочем, это уже неважно. Вы поранили колено и, кажется, вывихнули его, но пере-

лома нет, – поспешно добавил он, снова улыбнулся, словно сообщив хорошие вести, и опустился на одно колено возле ложа Аланы. – У вас наконец-то порозовели щеки.

Он протянул руку и коснулся ее щеки тыльной стороной ладони, быстро и ласково, но Алана вздрогнула и ахнула, вновь ощутив взрыв боли. Незнакомец сразу же отвел руку и виновато опустил голову.

– Я не хотел обидеть вас... просто проверял, согрелись ли вы, а если да, то не слишком ли... И не очень ли вам холодно... – Понимая, что несет чушь, он осекся, слегка улыбнулся, встал, придерживая ее плащ, и отступил на шаг. Неужели он покраснел – или это игра отсветов пламени на его коже? Алана старалась не глядеть на его широкую обнаженную грудь и мускулистые ноги под плащом.

Она боязливо пощупала свои ноги под пледом и обнаружила, что одно колено чем-то перевязано. Незнакомец снова покраснел и отвернулся, и тут Алана заметила, что плед сполз с ее плеча. А сама она обнажена, как и он. Встрепенувшись, она снова укрылась пледом до подбородка и возмущенно уставилась на неизвестного. Потом подняла голову и увидела, что ее одежда сушится на веревке над очагом – вся одежда, даже нижняя сорочка.

– А где?... – у нее перехватило горло, она сглотнула. Голос звучал хрипло, горло казалось израненным. – Кто вы? – повторила она попытку и ощутила, как щеки наливаются жарким румянцем, а боль сворачивается в груди в тугой узел. Она снова попробовала вспомнить, что произошло, но на этом месте в памяти зияла пустота. Если он раздет, а она тоже раздета...

– Что здесь?... – еще раз начала она, но так и не смогла договорить. О чем спросить в первую очередь – где, кто или что? Разум работал медленно и нехотя, мысли путались, язык не слушался.

– Теперь вам ничего не угрожает, – заверил незнакомец, и Алана задумалась о том, угрожало ли ей что-либо раньше. Впрочем, она и раньше видела, как мужчины, разогревшись под летним солнцем, работают, сняв рубашки и обнажив загорелый торс, на котором бугрятся мышцы, но задуматься о том, как они выглядят, Алане и в голову не приходило. А этот человек... с ним все было иначе. Вдобавок она оказалась тоже обнаженной.

– Можно мне мою одежду? – наконец попросила она.

– А?... Ну конечно! – Он схватил ее сорочку и протянул ей. Плащ, которым он прикрывался, слегка соскользнул, обнажая выступ кости на узком мужском бедре и плоскую долину живота, которые он тут же поспешил прикрыть, подтянув плащ до талии. Незнакомец был высок, почти касался головой потолочных балок, но, возможно, Алану обмануло зрение, ведь он стоял, а она лежала – как теперь выяснилось, на полу. При свете огня в очаге его рыжие волосы вспыхивали, как начищенная медь. Поблескивала и колючая щетина на щеках, отчего они казались позолоченными, чуть ли не по волшебству. Может, он только привиделся ей? Алана зажмурилась, потом снова открыла глаза, но незнакомец не исчез.

Он снял с веревки и ее платье, сухое и теплое, хоть и разорванное, и положил рядом с ней на плед.

– Если нужна моя помощь... – начал он, но Алана метнула в него гневный взгляд, высунула руку из-под пледа, втащила под него одежду и прижала к своему животу, настороженно поглядывая на незнакомца. Даже эти незначительные усилия вызвали у нее приступ слабости.

Она следила, как он снял с той же веревки свою рубашку и путем ловких маневров заменил ею чужой плащ, прикрыв все, что не следовало выставлять напоказ. Потом одной рукой он расправил плащ на все той же веревке, и плащ, как занавес, загородил Алану.

Теперь она видела лишь щиколотки незнакомца, жилистые и стройные, и ступни, длинные и белые на фоне каменных плит у очага. Он снял с веревки бриджи, и Алана увидела, как он поднял сначала одну ногу, потом другую, натягивая их. Тихий шорох ткани отчетливо раздавался в тесной комнате. Наконец незнакомец замер неподвижно, а Алана вдруг вспом-

нила, что и ей надо бы одеться. Прижимая плед к груди, она с трудом натянула через голову сначала сорочку, потом платье и принялась возиться с застежками и завязками. Собственные пальцы казались ей опухшими и неловкими, и хотя ленты на сорочке поддались, пуговицы на платье оказались настолько крошечными, что она никак не могла с ними справиться. Не выдержав, Алана прижала незастегнутое платье к груди и отыскивала взглядом сапожки, которые сушились у огня рядом с обувью незнакомца. Своих чулок Алана нигде не заметила.

Рука незнакомца высунулась из-за занавеса, сделанного из плаща, схватила его сапоги. Он начал обуваться.

– Мне надо выйти проведать коня. Так что вам хватит времени, чтобы... в общем, на все необходимое. Я буду рядом, так что зовите, если будет нужна помощь.

Дверь открылась, ворвавшийся ветер овеял Алану, и дверь тут же плотно захлопнулась. В хижине воцарилась звенящая тишина.

Откинув плед, Алана попыталась встать. Ее нога решительно отвергла эту мысль, и разум согласился с ней. Все ее конечности двигались так же неловко, как пальцы, и выглядели чужими. Она осмотрела повязку на колене – судя по виду, носовой платок. На нем неумелыми стежками была вышита монограмма, голубая на белом полотне – «И.М.». Алана развязала узел, морщась от боли. Царапины выглядели глубокими и безобразными, как длинные следы когтей, оставленные разъяренной бурей, злобной, словно дикий кот. Ссадины напоминали тени на снегу, бронзовые и черные, а колено распухло так, что казалось вдвое толще другого.

Дверь снова открылась. Алана рывком опустила подол платья, прикрывая голую ногу, но платье было разорвано от подола до колена, поэтому ничего не прикрыло. Поскольку и пуговицы были незастегнуты, у Аланы не осталось выбора: она схватилась за края лифа и плотно сжала их на груди.

Незнакомец не сводил глаз с ее опухшего колена. Он замерз, волосы растрепал ветер, щеки покраснелись. Посмотрев в глаза Алане, он заговорил:

– Метель ненадолго утихла, но, судя по всему, скоро снова начнется снегопад. Вы в состоянии отправиться в путь? – Он подошел ближе, протягивая вперед руки, словно желая показать, что при нем нет оружия и его намерения чисты. Снег в его волосах начал таять, капли засияли, как драгоценности, и с этим сиянием вокруг головы, похожим на нимб, незнакомец казался ангелом, или, по крайней мере, существом из другого мира. Может, она в раю? Неужели она?.. Алана поспешно отогнала от себя эту мысль. В раю у нее не болела бы нога и, уж конечно, не было бы ни снега, ни холода.

– Видите ли... – начала она, но голос прозвучал хрипло, и она никак не могла вспомнить, что собиралась сказать. Незнакомец встал на колено перед ней, и она судорожно сглотнула.

– Мне надо осмотреть вашу ногу, – виновато объяснил он. – Вы позволите?

Он держался так обходительно и вежливо, в его серых глазах отражалась лишь доброта. Алана кивнула, понимая, что не в состоянии сопротивляться. Он приподнял подол ее платья, обнажая как можно меньше тела, – точно так же, как сделала бы сама Алана. Его руки двигались мягко и успокаивающе, на фоне ее белой кожи длинные пальцы незнакомца выглядели особенно смуглыми. Алана вскрикнула от боли, и он виновато поморщился.

– Переломов нет. Я осмотрел другие раны...

Она вскинула голову.

– Вот как?

Он снова покраснел, но выдержал ее взгляд.

– Послушайте, это было необходимо. Я нашел вас едва живой. Как вы очутились вдали от жилья в такую бурю?

На глаза Аланы навернулись слезы.

– Заблудилась, – выговорила она.

Он окунул платок в ведро с холодной водой и обвязал ледяной тканью колено. От резкого холода Алану передернуло.

– «И.М.» – это вы? – сквозь зубы спросила она.

– Иан Макгилливрей, – ответил он и выжидательно приподнял брови.

– Алана Макнаб, – ответила она. – Где мы сейчас?

– В Крейглит-Муре. А куда вы направлялись?

Она пожала плечами и снова ощутила боль.

– Да так, никуда, просто гуляла, – ответила она. – Мне хотелось о многом подумать, вот я и отправилась на прогулку. Мама, наверное, гадает, куда я... – Внезапно она широко раскрыла глаза. Ее свадьба! Как она могла забыть? Она взглянула на собеседника. – Долго я здесь пробыла?

– Одну ночь, – успокоил он. – Откуда вы – пришли?

– Из Дандрум.

– Дандрум? – он ошеломленно уставился на нее. – До него же двенадцать миль! Стало быть, дело – серьезное.

– Дело? – переспросила она.

– Вы же сами сказали, что отправились погулять, чтобы о многом подумать. Обычно это означает некие трудные дела, которые требуется осмыслить.

Она попыталась подняться, но ахнула и села на прежнее место. Конечности отказывались подчиняться ей.

– Ох, Алана... лучше бы вам не спешить.

Он приобнял ее за плечи, подхватил под колени и поднял, как ребенка. Мгновение она прижималась к его широкой горячей груди, а потом была бережно усажена на скамью у огня. Перед глазами поплыли черные пятна, все завертелось, но Иан придерживал ее за талию, помогая переждать головокружение.

– Мне надо как можно скорее вернуться в Дандрум, – с трудом проговорила Алана.

Иан налил в глиняную кружку горячей воды, плеснул туда же виски из фляжки и вложил кружку в руки девушки. Кружка была приятно теплой, Алана обхватила ее пальцами.

– Сегодня не получится. Глен-Дориан занесло снегом. Мы поедем в замок Крейглит. Вашим коленом необходимо заняться, и мы попросим об этом Энни. А вашей семье мы при первой же возможности сообщим, что вы в безопасности... но не сегодня.

Глаза Аланы наполнились слезами.

– Но сегодня же... день моей свадьбы!

Его брови взлетели до самой линии волос.

– Вашей?.. – Его осенила догадка. – Так вы сбежали!

Алана попыталась высокомерно выпрямиться, но ей не хватило сил. Каждый дюйм ее тела немилосердно ныл, слезы подступали к глазам. Прижимая к груди незастегнутое платье, она возмущенно воскликнула:

– Разумеется, нет!

– Вы прошли пешком двенадцать миль в метель, чтобы подумать, и вы чуть не... – начал было он, но Алана метнула в него злой взгляд.

– Если я не вернусь домой вовремя, мама расстроится.

Он снова приподнял брови.

– Ваша мать? А ваш жених? – спросил он и обвел Алану явно восхищенным взглядом. – Полагаю, ему не терпится... то есть будет весьма досадно... – Он умолк, а она скрестила руки на груди и уставилась на него, чувствуя, как на щеках проступает румянец.

– Так вы видели... все?

Иан снова покраснел и виновато пояснил:

– Я сделал лишь то, что было необходимо. Вы были холодны как лед, чуть ли не... Словом, я согрел вас своим телом. Больше ничего не было. Вашему жениху не на что сетовать, кроме того, что вы опоздаете на свадьбу.

Она смотрела на него, глубоко взволнованная самой мыслью о том, что он и она были... о нет! Румянец на щеках стал еще гуще. Но ведь этот человек спас ей жизнь... Алана вскинула подбородок.

– Благодарю, – чинно произнесла она, гадая, что именно полагается говорить в таких обстоятельствах. Потом перевела взгляд на то место на полу, где они провели ночь. Вдвоем. Совершенно обнаженные.

Отвернувшись, он расстегнул седельную сумку.

– Увы, позавтракать нам нечем, если не считать пары овсяных лепешек. Могу предложить вам виски, если надо приглушить боль, но наша Энни наверняка даст вам снадобье получше.

– Кто такая Энни?

Он заулыбался, протягивая ей лепешку.

– Старая Энни Макинтош. Без нее невозможно представить себе Крейглит, она была там всегда. Энни лечит болезни и раны, рассказывает всякие истории и даже держит в узде самого лэрда.

– Как Мойра... – пробормотала Алана, принимая протянутую лепешку и невольно касаясь пальцев – Иана. Это прикосновение словно выбило из нее искры. – У нас есть Мойра Макнаб. Она делает для нас все то же, что и Энни.

А у Иана и вправду чудесная улыбка... Отвернувшись, Алана принялась жевать свой завтрак, но обнаружила, что не может съесть больше одного куска.

– Простите, что вынужден торопить вас... Понимаю, вам больно, но буря вскоре обновится, и тучи не предвещают ничего хорошего. Если снова начнется снегопад, дороги окончательно занесет. Лучше бы нам поскорее добраться до Крейглита, где вы сможете как следует отдохнуть. Там вы будете среди друзей, Алана. Вам нечего опасаться.

А разве у нее есть выбор? Едва ли она в состоянии пройти дюжину миль до Дандрум, вдобавок она понятия не имеет, в какую сторону идти. Пока Алана раздумывала, Иан Макгилливрей надел свою куртку, подошел к скамье и снова встал на колени.

– Вы позволите? – произнес он. Выглядел он так, словно приглашал ее на танец, – протянутые руки, выжидательное выражение лица. Потом он указал на ее грудь. – Ваши пуговицы. Снаружи холодно.

Вспыхнув, она отвела руки и почувствовала, как его пальцы касаются ее груди и шеи. Ощущения были непривычными, но, как ни удивительно, приятными.

– Не беспокойтесь, я часто помогал одеваться моей сестре, когда она была маленькой, – объяснил он, улыбаясь ей ободряюще, словно перепуганному ребенку.

– А сейчас ей сколько? – спросила Алана. Его голова находилась в нескольких дюймах от ее лица, от рыжих волос Иана исходил свежий аромат. Густые волосы казались мягкими, и стоило Алане слегка податься вперед, она могла бы прижаться к ним щекой...

– Фиона уже взрослая, ей пятнадцать, – оторвавшись от своего дела, Иан вернул Алану в настоящее. Его глаза в окаймлении ресниц медного оттенка были серыми. Алане вспомнилась Сорча, ее младшая сестра, еще совсем ребенок в ее двенадцать лет. Сорча, наверное, изводится от беспокойства. Как и все остальные – мама, тетя, даже Грейвз, дворецкий-англичанин, и Джинни, горничная тети Элеоноры. Угрызения совести свернулись в тугую клубок у нее в груди. Не надо было ей вообще уходить из Дандрум.

Иан Макгилливрей отвернулся, чтобы взять ее сапожки. Чулки лежали в них, и Алана, заметив пятна крови и дыры на чулках, вспомнила, как неловко и ужасно упала и с какой силой ударилась коленом. Она с трудом сглотнула. Впрочем, ей повезло. Она разрешила

себе снова засмотреться на Иана Макгилливрея. Если бы не он... Должно быть, он заметил, как она побледнела, потому что ободряюще улыбнулся и убрал изодранные чулки к себе в карман, с глаз долой. Сердце Аланы гулко стукнуло. У Иана и вправду чудесная улыбка, как у героя и рыцаря, о каком мечтает каждая девушка.

– Вы сможете обуться без чулок? – спросил он. – В Крейглиите мы найдем вам другую пару, – по-рыцарски опустившись к ее ногам, он взял горячими ладонями и поставил к себе на колено сначала одну, потом другую ступню Аланы. Надевая сапожок на ее раненую левую ногу, он сосредоточенно нахмурился. Алана стиснула зубы, сдерживалась из последних сил, чтобы не вскрикнуть, но, судя по тому как потемнели его глаза, он понял, как она страдает и какую боль он невольно ей причиняет.

Он набросил на ее плечи плащ, застегнул его и подхватил ее со скамьи. Мир покачнулся перед глазами Аланы. Она невольно вцепилась в лацканы его куртки. Их взгляды встретились. У Аланы перехватило дыхание, и она поспешила приписать это головокружению. Еще никто не носил ее на руках – если не считать брата Алека, да и то в раннем детстве.

Будь здесь Алек, он обращался бы с незнакомой девушкой так же бережно и заботливо, как Иан Макгилливрей – с Аланой. Но сама она ни за что не спутала бы Иана со своим братом. Прикосновения Иана, какими бы учтивыми ни были, ощущались иначе, воспринимались острее, вызывали непривычное волнение.

– Вы, наверное, замечательный брат, – неловко пробормотала она, и его широкая грудь задрожала от смеха.

– Об этом лучше спросите Фиону.

После полутемной хижины белизна снега слепила глаза. Холодный воздух ринулся в легкие, дыхание вылетело изо рта облачком пара, устремившимся к свинцово-серому небу, и Алана невольно ахнула.

Иан Макгилливрей бережно посадил ее на коня, она вцепилась в жесткую конскую гриву, чтобы не упасть. Между тем пони повернул голову и с дружелюбным любопытством осмотрел всадницу. И не стал сопротивляться, когда Иан уселся верхом позади Аланы, закутался сам и закутал ее пледом, так что она очутилась точно внутри кокона. Там было тепло и уютно.

– Вам удобно? – спросил он, пуская шагом коня, под копытами которого закрипел снег.

– Да, – подтвердила Алана, хотя правдой ее ответ был лишь отчасти. Ей действительно никогда еще не было настолько удобно и в то же время неловко. Она сидела, закутанная в плед чужого человека, ее ноги оказались между его бедер, тех самых, которые прикасались прошлой ночью к ее обнаженному телу. Она ощущала, как билось его сердце, горячее дыхание овеивало ее щеку. Колено Аланы ныло так, словно его грыз дьявол, но Иан надежно удерживал ее в кольце рук и в то же время с привычной небрежностью правил конем. Еще никогда в жизни Алана не оказывалась так близко к мужчине, даже к Мерридю, ее жениху. Впрочем, с Мерридю она виделась всего два раза, и поскольку в обоих случаях он ухаживал за ее старшей сестрой, не знала, считаются ли вообще эти встречи. Вдобавок он даже не глядел на нее, Алану, – вторую дочь в семье, замену... Алана почувствовала, как щекам стало горячо, несмотря на холод. Пони мирно трусил по убеленному снегом ландшафту, спеша домой.

– Вон Бен-Лагган, – Иан указал на серую гору, укрытую плотной шалью свежее выпавшего снега. – Глен-Дориан и Дандрум находятся за ним. Вы, должно быть, прошли через перевал вон там, – он снова указал вдаль, но Алана не увидела впереди ничего, кроме снега. – Теперь там не пройти.

– А далеко еще до Крейглиита? – спросила она. Ей представился коттедж вроде того, откуда они только что уехали, ухоженный и теплый, жена Иана в дверях... и конечно, его сестра. Есть ли у него дети? Ее щеки вновь вспыхнули при мысли, что придется знакомиться с женой Иана и объяснять, что минувшую ночь она, Алана, провела в объятиях ее мужа.

Поверит ли жена Иана, что это было крайней необходимостью? Сама Алана вряд ли поверила бы в такую чушь, тем более если бы речь шла о мужчине с внешностью Иана Макгилливрея.

– Мили четыре, – ответил он. – Ехать недолго. Через час будем на месте. Если хотите, подремлите пока.

До сих пор Алана сидела прямо, как ее учили. Она вовсе не собиралась расстраивать миссис Макгилливрей лишний раз, и уж, конечно, в ее намерения не входило засыпать, прижавшись к груди незнакомого мужчины или сидя верхом. Но белый снег был настолько ослепительным, что ее так и тянуло закрыть глаза хоть на минутку.

Иан почувствовал, как она расслабилась в его объятиях и задремала, – на этот раз не ледяная, а теплая, нежная и легкая. Он поерзал, поудобнее пристраивая ее у себя на груди и укладывая щекой на плечо. Слегка повернув голову, он засмотрелся на ее лицо. Ее губы и щеки порозовели, темные тени залегли под глазами – чудесного светло-орехового цвета, как ему запомнилось, немного испуганными, огромными и прекрасными. Ей бы сейчас миску чудодейственного супа, сваренного Шона, расческу, ванну, повязку на поврежденное колено и несколько часов сна – и женщины прекраснее, чем она, не нашлось бы в целом свете. Он не смел заглядывать под плед и ни за что не осмелился бы осматривать ее выше коленей или ниже плеч, но он уже знал, что значит прикоснуться к ней, прижимать ее стройное тело, дотрагиваться до шелковистой кожи. А теперь, когда ее ягодички касались его чресел, ритм движений идущего шагом коня усиливал возбуждение до крайности. Иан сидел неподвижно, не желая, чтобы Алана проснулась и заметила, в каком он состоянии. Она принадлежит другому, который, несомненно, уже вышагивает туда-сюда по церкви перед алтарем, молится о ее возвращении, спешит взять ее в жены и уложить в свою постель, перед собственным очагом... В приливе ревности Иан на мгновение с силой сжал ее плечо и вдруг опомнился, строго напомнив себе, что она не принадлежит ему и не может принадлежать. Их пути вскоре разойдутся: он отправится в Англию, она – в деревню Дандрум, на свою свадьбу. Иан задумался: кто ее будущий муж – фермер, кузнец, пекарь? Кем бы он ни был, ему несказанно повезло.

Посмотрев на хмурое небо, Иан принялся считать шаги пони, чтобы отвлечься.

До Крейглита было еще далеко.

Глава 5

Замок Дандрум

– То есть как это вы не смогли ее найти? – Леди Деворгилла Макнаб, вдовья графиня Гленлорн, впиалась недоверчивым взглядом в едва живого от холода егеря Дандрум. Он часами обыскивал окрестности, замерз и выбился из сил, но Алану так и не нашел. – Не могла же она просто раствориться в воздухе! – воскликнула Деворгилла.

Было еще слишком рано предполагать, что с ее средней дочерью случилась беда, или гадать, не сбежала ли Алана и не обручилась ли тайком, лишь бы свадьба не состоялась. Алана благоразумна и послушна. Ничего подобного она не сделает. Деворгилла прикусила губу и взглянула на часы. И все-таки Алана пропадала где-то всю ночь и почти половину утра. К счастью, и лорд Мерридю пока не прибыл – несомненно, его задержала непогода. Иначе как пришлось бы объяснять ему, что Алана пропала в день своей свадьбы – да еще после того, как всего несколько месяцев назад Меган отказалась выйти за его светлость и тайно стала женой другого? Бедняга лорд, чего доброго, заподозрит, что дочери Деворгиллы – неблагодарные негодяйки, считающие, что английский маркиз им не пара. Деворгилла стиснула кулак. Нет, этого она не допустит. Алану надо найти во что бы то ни стало.

Тем временем ее золовка, леди Элеонора Фрейзер, принесла замерзшему егерю стакан виски.

– Присядьте к огню, Джейми, согрейтесь, а потом расскажите нам все, что вам известно.

– Со вчерашнего дня ее никто не видел, миледи, – Джейми сокрушенно покачал головой. – Джинни говорит, что заметила, как леди Алана, одетая в красный плащ, вышла в сад, прогуляться среди деревьев. Это было незадолго до начала метели, – он снова покачал головой, и Деворгилла заметила в пронизательных глазах егеря тревогу. – С тех пор от нее не было никаких вестей. Буря замела все следы. Снегу навалило много, а вскоре снова ожидается метель. – Он потер локоть. – И сегодняшняя будет страшнее вчерашней, то-то у меня все кости ноют.

– Ступайте снова искать ее, – велела Деворгилла. – Ее необходимо найти. Вы везде смотрели – в сторожке, на постоялом дворе в деревне, в старом замке Глен-Дориан?

Неужели Алана разобиделась, надулась и спряталась где-нибудь?

– Несколько раз, миледи, – заверил Джейми. – Мы всю деревню подняли искать пропавшую госпожу. Мы все волнуемся за нее. – Теребя в руках шапку, он перевел взгляд на Элеонору.

– Идите на кухню, поешьте супу и согрейтесь, – велела Элеонора, отсылая его.

Деворгилла принялась вышагивать по ковру из угла в угол.

– Сначала Меган сбежала и обручилась с лордом Россингтоном, а теперь вот... – раздражение быстро вытесняло из ее сердца тревогу. – Я несколько недель умасливала лорда Мерридю, убеждала его, что если нет Меган, то подойдет и Алана. И что теперь? Обе дочери не оправдали моих надежд?

Элеонора отошла к окну и окинула взглядом сад, прежде чем повернуться лицом к невестке. По ее выражению Деворгилла поняла, что нигде в саду Аланы не видно, и совсем пала духом.

– Ну, поскольку Мерридю еще не приехал, его, несомненно, задержала в пути метель, – заговорила Элеонора. – Значит, у нас еще есть время, чтобы найти Алану до его приезда. Я уверена, что с ней все хорошо. В горах Шотландии принято оказывать радушный прием путникам и предлагать им кров, значит, кто-нибудь наверняка приютил Алану, –

она встретила взглядом с Деворгиллой. – И конечно, надо пригласить на свадьбу Алека и Кэролайн, если позволит погода. Рано или поздно Алек узнает, что его сестра вышла замуж, и не обрадуется, выяснив, что ты вычеркнула его из списка гостей. А если мы отложим свадьбу на неделю-другую, то сможем устроить ее на Рождество. Тогда и у Мерридю с Аланой появится шанс познакомиться поближе.

Деворгилла нахмурилась и стиснула пальцы под внимательным взглядом Элеоноры.

– Теперь Алек носит титул графа Гленлорна, у него и без нас хватает дел. Алана – это моя забота.

– И его сестра. Он любит ее и желает ей только добра, как и ты, – возразила Элеонора. – Ты же знаешь, он не откажется приехать к ней на свадьбу. Он опекун и защитник Аланы...

Деворгилла вскинула подбородок.

– А я – ее мать! Лорд Мерридю – лучшая партия, на какую только может рассчитывать Алана. У него есть титул, он готов жениться, а Алана уже приняла его предложение.

Элеонора скрестила руки на груди.

– Она согласилась на то, что предложила ей ты. Ты ведь боишься, что Алек не даст согласия на этот брак? Если он спросит Алану, любит ли она Мерридю, она не сможет ответить «да».

Покраснев, Деворгилла опять начала вышагивать из угла в угол.

– Любит, не любит! Да какая разница? Само собой, она его любит – или полюбит со временем.

Элеонора покачала головой.

– Алеку этого недостаточно – как и всем, кроме тебя. Мерридю женится на приданом Аланы.

– И что? Зато она станет маркизой, а когда-нибудь – и герцогиней, – парировала Деворгилла.

– Думаешь, для нее это имеет значение? Она нежная и ранимая. Титул не принесет ей счастья. Выйти за Мерридю она согласилась лишь потому, что ты настаивала. А она не хотела расстроить тебя.

– Так, как сделала Меган? – напомнила Деворгилла. Она прекрасно знала, что нужно ее дочерям, – английские титулы, власть, положение в обществе. В Шотландии им этого не видать. Здесь они навсегда останутся в тени.

Элеонора усмехнулась.

– Я горжусь Меган. Она выбрала жизнь, о которой мечтала, и мужчину, которого любит. Так и должно быть. Вдобавок она вышла за английского графа – разве ты не этого хотела?

– Нет, ведь она могла бы стать маркизой!

Элеонора закатила глаза.

– Может, тебе все-таки стоит для приличия поволноваться за Алану? Она не так упряма и своевольна, как Меган. Алана не сбежала бы. Скорее всего, она в беде.

Деворгилла пожала плечами и принялась осматривать свои ухоженные руки, сжав пальцы, чтобы не было видно, как они дрожат.

– Разумеется, я волнуюсь за нее, но ты же сама сказала: если ей понадобится помощь, кто-нибудь приютит ее.

Элеонора вздохнула.

– Надеюсь, ты права. Было бы ужасно довести девушку до такого отчаяния, чтобы она сбежала из дому в метель... – Она направилась к двери. – Пожалуй, попробую собрать людей на поиски, пока метель не началась снова.

Деворгилла проводила Элеонору взглядом, потом повернулась к окну и принялась высматривать дочь среди голых деревьев сада. Прижавшись лбом к оконному стеклу, она

надеялась, что с Аланой ничего не случилось. Очень скоро Мерридю будет здесь и наверняка захочет сразу увидеть свою невесту.

Глава 6

Крейглит-Мур

Ветер донес до Иана запах крепкого табака раньше, чем вдалеке показался Сэнди Макгилливрей. Увидев, как егерь из Крейглита рысью скачет навстречу ему по снегу, Иан не сдержал улыбки.

Курчавые и белые, как дым, волосы старика торчали во все стороны из-под шотландской шапочки, он усмехнулся, показывая остатки зубов, когда всадники поравнялись один с другим.

– Добрый день, лэрд.

Некоторое время Сэнди изучал фигуру, закутанную в плед. Если он и удивился тому, что Иан везет с собой незнакомую женщину, то вида не подал. Только кивнул.

– Старая Энни сказала, что сегодня я встречу вас как раз вот здесь. А еще сказала, что по всем при-метам в замке Крейглит будут гости. Должно быть, это про нее.

Иан усмехнулся, Сэнди развернул лошадь и двинулся бок о бок рядом с ним.

– Что помогло Энни на этот раз – вещие сны, магические кристаллы?

Сэнди прищурился.

– Да, вчера что-то разглядела в золе, а сегодня – в тесте для лепешек. – Он снова перевел взгляд на Алану. – С ней что-то стряслось?

– Да, и пока что она спит. Заблудилась в разгар метели. Мы провели ночь в коттедже покойного Юэна. У нее повреждено колено, – отделался кратким объяснением Иан.

Сэнди ухмыльнулся.

– Стало быть, в коттедже Юэна?

Иану вспомнилось, как он всю ночь прижимал к себе ледяное тело Аланы, надеясь, что в него вернется тепло и жизнь. Никакой романтики в этом не было и в помине. И все же, когда он проснулся утром, теплая и нежная Алана лежала прильнув к нему, как возлюбленная. Вспоминая об этом, он снова взглянул на нее, крепко спящую в его объятиях. Она выжила. Он спас ее. Иан повыше подтянул край пледа, прикрывая ее лицо от холода, и Сэнди, заметив это, хмыкнул.

Иан метнул в него недовольный взгляд.

– Она пробыла без чувств всю ночь.

Сэнди пошевелил косматыми бровями.

– Ну-ну, как скажете, лэрд. А только вашей англичанке это не по нраву придется, особенно если она красotka. Как она, ничего? Вы так крепко прижали ее к сердцу, что и не разглядишь.

– Пенелопа вовсе не моя англичанка. Она моя кузина и просто приехала погостить.

«А Алана Макнаб и вправду красавица...» Он невольно сжал ее в объятиях крепче жестом собственника, не желая делиться ни с кем, даже с Сэнди.

Сэнди попыхивал трубкой, вопросительно приподняв белые брови.

– Вам виднее, лэрд, как скажете, – повторил он. – Да только кто же вам поверит-то? А поспешить бы надо, – добавил он. – Скоро начнется метель.

Иан промолчал, но чуть не испустил вздох облегчения, когда впереди показался замок Крейглит. Как всегда перед бурей, небо приобрело желтовато-серый оттенок и словно нависло над приземистой квадратной башней замка и ее заостренной крышей. Снег облепил древние камни, от него стены замка выглядели пятнистыми. Это зрелище завораживало, Иан всегда испытывал прилив радости и гордости, приближаясь к дому. Будет ли он ощущать их в Англии, в Вудфорд-Парке?

Всадники въехали во внутренний двор замка и направились к двери кухни. Дверь распахнулась, едва они успели осадить лошадей, и Энни вышла на порог, приветливо глядя на Иана, который ухитрился спешиться вместе с Аланой на руках. До приветствий Энни не снизошла.

– А вот и наша гостья. Неси ее скорее в тепло, – распорядилась она и посторонилась, зябко придерживая на груди воротник. Увидев, что Иан перенес Алану через порог своего дома, как невесту, Энни негромко кашлянула. Иан бросил в ее сторону укоризненный взгляд. Алана и вправду невеста, только чужая. Сегодня день ее свадьбы, и ей следовало бы радоваться и принимать поздравления, а она здесь, в Крейглите, среди незнакомых людей и вдобавок с ноющим коленом. Бедняжка.

Алана проснулась и удивленно уставилась на него огромными ореховыми глазами, приоткрыв губы. У – Иана перехватило дыхание, он принужденно улыбнулся.

– Мы на месте... в Крейглите.

– В кухне огонь горит, там я ее и посмотрю, – решила Энни, и Алана повернулась к ней.

– Энни Макинтош, это Алана Макнаб, – представил Иан гостью и осторожно усадил ее на скамью возле огня. На миг она прижалась к его плечу, и его охватило желание удержать ее, но он отступил. Его груди, к которой еще недавно льнула Алана, вдруг стало холодно. Алана обвела взглядом любопытные лица собравшихся – Сэнди, его невестки Шона – здешней поварихи, Крошки Дженет – так в доме звали старшую дочь Шона. Иан представил их, и Алана улыбнулась каждому – так искренне, словно была и впрямь рада знакомству. Ей дружно заулыбались в ответ, ловко прикидываясь простачками. Иан нахмурился, глядя на собравшихся поверх головы Аланы, но те словно не поняли намек. И продолжали глазеть на нее. Алана сбросила с головы край пледа и покраснела.

– Вот уж красotka так красotka! – воскликнула Энни, всмотревшись в ее лицо, и с усмешкой обратилась к Иану: – Это все равно что пустить кошку к голубям, помяни мое слово, Иан. Любому ясно, стоит только взглянуть.

Иан пропустил ее слова мимо ушей и прислонился к полке над очагом, не желая оставлять Алану даже на попечение заботливой Энни. Старуха налила в кружку виски и достала из буфета горшок с травами. Всыпав в кружку щедрую щепотку сушеных трав, она добавила туда же меда и вынула из огня кочергу, чтобы перемешать снадобье. Кружку с булькающим и шипящим виски она вложила в руки Аланы.

– Пей до дна, пока горячее, – велела она.

Алана окинула взглядом собравшихся. Эта беременная женщина с засученными выше локтя рукавами – жена Иана? Она буквально пожирала взглядом Алану, а на Иана даже не смотрела. Хорошо, что сам Иан никуда не ушел, только отступил в сторону, к очагу.

Эти люди не выглядели злыми, совсем напротив, но откровенно глазели на нее. Наверное, выглядит она ужасно – с нечесаными волосами, в мятой и рваной одежде... Вспыхнув от смущения, Алана оглядела кухню – просторную и уютную, напомнившую ей Гленлорн, где она выросла. Там стоял такой же дочи́ста выскобленный деревянный стол, такие же кастрюли и сковородки висели на гвоздях, соседствуя с пучками сушеных трав, так же кипел над огнем чайник и плыли знакомые ароматы свежеевыпеченного хлеба и горячего супа. Глаза Аланы защекали непрошеные слезы.

Шона Макгилливрей сочувственно вздохнула, взяла Алану за руку, потрепала ее пухлой рукой и назвала гостью бедняжкой, попавшей в такую непогоду. Другую руку, перепачканную в муке, Шона держала на своем округлившемся животе.

Совсем юная Крошка Дженет застенчиво льнула к своему деду, Сэнди Макгилливрею. Сам Сэнди ободряюще улыбался Алане, его белые волосы при свете пламени приобрели оранжевый отблеск – должно быть, такими они и были во времена его юности.

Энни Макинтош изучала гостью внимательнее, чем остальные, ее темные глаза, глубоко посаженные на морщинистом лице, многозначительно поблескивали. Алане казалось, что Энни стремится заглянуть ей в душу и прочесть мысли. И от этого желание Аланы потянуться за рукой Иана стало почти нестерпимым. Однако она справилась с неуместным позывом, выпрямилась и посмотрела на кружку с янтарным снадобьем у себя в руках. От кружки распространялось приятное тепло, Алана сделала несколько глотков. Мед смягчил и жжение виски, и горечь трав. От горячей жидкости конечности согрелись и приобрели удивительную легкость. Остро ощущая на себе взгляды собравшихся, Алана задумалась, что же было в выпитом снадобье, но тут Энни успокаивающе улыбнулась – совсем как Мойра дома, в Гленлорне.

– Вот и все, детка.

Дверь распахнулась, в кухню влетела молоденькая девушка и бросилась в объятия Иана. Алана заметила, что девушка прихрамывает.

– Вернулся! – воскликнула она, а Иан обнял ее и поцеловал в макушку. – Мы так волновались... вернее, я волновалась. – Девушка отстранилась, чтобы посмотреть на Иана. – А Энни сказала, что с тобой ничего не случится. Ты из-за бури задержался на всю ночь?

– Да. Нам пришлось переждать ее у Юэна, но все обошлось, – объяснил Иан.

Девушка заулыбалась.

– Да, ты дома, цел и невредим. А Энни говорит, надвигается новая метель.

– Скорее уж продолжается вчерашняя – со снегом, ветром и холодом. Ранняя зима в этом году и лютая, – вздохнула Энни, привычным жестом отгоняя беду.

– Познакомься с нашей гостьей, – Иан положил руку на плечо девушки. – Алана Макнаб, это моя сестра, Фиона Макгилливрей.

Фиона удивленно раскрыла глаза.

– Энни говорила, что у нас будут гости! Здравствуйте!

Алана улыбнулась.

– Рада знакомству, – добавить еще что-нибудь она не успела: Энни склонилась над ее ногой.

– Ступай-ка отсюда, Иан, и ты тоже, Сэнди, хоть ты и старик. Не для твоих это глаз, – заявила Энни, узловатыми руками взявшись за подол юбки гостьи.

Алана посмотрела на Иана, он ответил ей взглядом, стоя в тени, спиной к огню. Ей не хотелось, чтобы он уходил. Он уже видел не только ее раненое колено – он видел ее всю. Какие уж там приличия! Вдобавок он сам раздел ее, прижимал к себе, согревал своим телом. Даже сейчас, думая об этом, Алана почувствовала, как заколотилось ее сердце.

– Пожалуй, схожу в конюшню. Оставляю вас на попечение Энни, – сказал он и успокаивающе улыбнулся. Значит, здесь, в Крейглите, он конюх и, наверное, привык лечить раненые ноги лошадей, потому и о ней позаботился. Алана проводила его взглядом и вдруг ощутила странное одиночество, хотя знала Иана всего несколько коротких часов – считается ли все то время, которое она провела без сознания? В этом случае, наверное, да, и все-таки Иан для нее чужой человек. Но вместе с ним кухню словно покинули свет и тепло. Может, все дело в том, что он ее спас. Или в том, что такого рослого и красивого мужчины она никогда прежде не встречала. Или же в том, что он спас ее от участи немногим лучше смерти: если бы в этот момент Алана находилась в Дандруме, она произносила бы слова клятвы, чтобы связать свою жизнь с маркизом Мерридю. А благодаря Иану Макгилливрею она получила отсрочку. От проснувшегося чувства благодарности к – Иану у нее потеплело в груди.

Энни приложила морщинистую руку к щеке Аланы.

– Ты раскраснелась, как летняя роза. Я уж думала, у тебя жар, а его нет. – Старуха тоже посмотрела вслед Иану и задумчиво прищурилась. Алана опустила голову.

– Со мной, кажется, все хорошо, вот только нога...

Энни отвела в стороны разорванную юбку пациентки.

При виде ран Крошка Дженет ахнула, Шона жалостно запричитала, а Фиона указала на повязку.

– Это платок Иана! – вполголоса объявила она. – Я сама вышила его инициалы на прошлое Рождество.

Энни усмехнулась.

– Пожалуй, зря мы его выпроводили. Наверное, он и перевязал тебе ногу?

Кровь уже в который раз прилила к щекам Аланы. Ей вспомнилось его нагое тело при свете пламени в очаге, прикосновения сильных рук, движение, которым он подсадил ее на коня, легкость, с которой поднимал и нес ее... Она не сводила глаз с собственной ноги.

– Да, это он наложил повязку, – подтвердила она. – Неужели все так плохо, как кажется?

Энни осторожно ощупала колено, прищурилась и заключила:

– Распухло, вывихнуто, разбито и расцарапано, но не сломано. Неудивительно, что Иан внес тебя сюда. Придется ему носить тебя на руках еще несколько дней.

– О нет, это не обязательно. Я справлюсь сама, – заверила Алана. – Так долго пробыть здесь я все равно не смогу. Спасибо вам за заботу, но мне пора домой.

– Куда это? – спросила Энни, наливая в большой таз горячей воды и добавляя пригоршню трав.

– В Гленлорн... то есть в Дандрум, – ответила Алана. И вдруг ей нестерпимо захотелось домой к брату, к Мойре – ко всем, кого она так любила. Не то чтобы она недолюбливала мать или тетю Элеонору, но к маркизу Мерридюю не питала никаких чувств. Ее глаза снова наполнились жгучими слезами.

– Ох, детка, не плачь. Все будет хорошо. Хоть сейчас мы и кажемся тебе чужими, но мы народ простой и добрый, а Иан... лучшего мужчины, чем Иан, не найдешь, – убеждала Шона, положив руку на плечо Аланы.

Энни накладывала на колено пациентки теплую припарку, осторожно касаясь пальцами. По кухне распространился стойкий запах летних трав, вновь напомнив Алане о доме.

– Ходить тебе пока нельзя, – твердо, но по-доброму заявила Энни. – Ты говорила про целительницу по имени Мойра, так вот и она сказала бы тебе то же – самое.

– А как же лэрд Крейглита? – спохватилась Алана. – Мне надо поговорить с ним, спросить позволения...

Лицо Энни удивленно вытянулось, а Шона захихикала.

– Так Иан и есть лэрд Крейглита. Неужто он не представился как полагается? – спросила Энни.

– Но мы... почти не разговаривали, – Алана с трудом сглотнула, и Энни снова усмехнулась.

– А еще мой брат – английский граф Пембрук... точнее, скоро будет. Старый граф приходился нам двоюродным дедом, прошлой осенью он умер. Весной Иан уезжает в Англию, принимать наследство, – объяснила Фиона.

Граф? Алана смутилась. А она-то приняла его за арендатора или конюха... Конечно, ей следовало распознать в нем хозяина – по твердому взгляду и внутренней уверенности в себе. Однако здесь все обращались с Ианом так свободно, почти фамильярно, а сам он умел расположить к себе даже совершенно незнакомого человека.

Энни кисло поморщилась и по-гэльски пробормотала какую-то брань в адрес англичан, а Фиона беспокойно стиснула руки.

– Мой брат тоже граф, – поспешила сообщить Алана. – Только шотландский. Граф Гленлорн.

Фиона широко раскрыла глаза, нахмуренный лоб Энни сразу разгладился, глаза заблестели.

– Сестра графа? – Энни засмеялась, широко разевая рот, в котором не доставало зубов. – Да уж, и верно кошка среди голубей! – повторила она загадочную фразу. – Вот подождите, когда вас увидят дамы наверху, миледи!

– Дамы? – переспросила Алана.

– Англичанки, – презрительно процедила Энни и поджала губы.

– Моя тетя Марджори и мои кузины леди Пенелопа и леди Элизабет из Англии, – объяснила Фиона. – Элизабет очень милая...

– Ох, да только требуют они английских кушаний, английских манер и английского Рождества. Не знаю, известно ли им вообще, что они в Шотландии, – вступила в разговор Шона. – Да еще вздумали давать уроки нашему лэрду, учить его, как быть английским лордом – как будто можно спутать Иана Макгилливрея с англичанином! Я вам так скажу: вывезти его из Шотландии – это еще куда ни шло, но Шотландию из Иана ничем не выведешь.

Уроки английских манер, языка и обычаев были хорошо знакомы Алане, и она посочувствовала лэрду. Неужели мужчинам приходится еще труднее? Ее мать давным-давно решила выдать дочерей за английских лордов. Их растили, готовя к первому выезду в свет в Англии, нанимали английских учителей, гувернанток, горничных, даже дворецкого-англичанина. После того как Алана выйдет замуж за маркиза Мерридю и станет английской маркизой, в ее облике и поведении не останется ничего шотландского. Даже напевный акцент будет уничтожен многочасовыми упражнениями. Или почти уничтожен. Но заставить ее забыть родную Шотландию не сможет никто.

Алана попыталась представить, как Иан Макгилливрей, рослый и рыжеволосый, широкоплечий и загорелый, с растрепанными ветром волосами и с пледом, накинутым на плечи, входит в английскую гостиную. Нет, Шона права: никто не перепутает лэрда Крейглита с англичанином. На англичан он похож примерно так же, как орлы на дроздов. По крайней мере, на тех англичан, которых повидала в своей жизни Алана.

– В таком случае мне следует засвидетельствовать почтение леди Макгилливрей, – вспомнила она.

– Мамы давно нет в живых, – растерялась Фиона.

– Она, похоже, говорит про жену Иана, – поправила ее Энни, и Фиона покраснела.

– А-а! Он не женат. Никакой леди Макгилливрей нет, – объяснила Фиона.

– Пока что, – вполголоса уточнила Энни, и Фиона нахмурилась.

Алана не стала расспрашивать, что это значит. Она наблюдала, как Энни накладывает на ее ногу повязку из полос чистого полотна. Наконец Энни отстранилась и вытерла руки о передник.

– Вот так! А теперь тебе бы выспаться в тишине. Сейчас позову Иана, пусть отнесет тебя наверх. Посиди пока, допей лекарство. Фиона составит тебе компанию.

Алана снова покраснела.

– Мне бы не хотелось причинять неудобства Иа... то есть лэрду, – призналась она. Иан для нее был уже не просто спасителем, а хозяином этого замка, человеком, на котором лежит огромный груз ответственности. Алана попробовала встать и только тогда поняла, насколько она устала и как остра боль в колене. Перед глазами Аланы поплыло, Энни положила руку ей на плечо и усадила обратно.

– Иану это не составит никакого труда. Я видала, как он поднимал телят весом побольше тебя, и нес их целую милю на новое пастбище. Тебе же будет лучше, если ты отдохнешь. Крошка Дженет, насыпь углей в грелку и отнеси ее в зеленую спальню.

Фиона вытаращила глаза.

– В зеленую?.. Но ведь это же...

– Тс-с-с! – прервала ее Энни, щелкнув пальцами, и в кухне как по волшебству воцарилась тишина. – Ну, ступай. – Крошка Дженет сразу же подчинилась ей.

Алана засмотрелась в свою кружку. Или от трав, или от виски на нее накатила слабость, начало клонить в сон, мысли текли медленнее, чем обычно, захотелось просто подремать у огня. Она наблюдала, как кружатся по дну сероватые стебельки, словно затягивая ее в глубь снадобья. Может, оно и вправду волшебное, и теперь она забудет и Мерридю, и чувство долга, и непомерные мамины амбиции. Алана поднесла кружку к губам и допила остатки лекарства, мечтая уснуть, проспав до весны и проснуться в своей постели в Гленлорне, чтобы больше уже никогда не вспоминать про маркиза. На дне пустой кружки ей привиделось его лицо – Иана, не Мерридю. На редкость привлекательное лицо. Алана потеряла глаза и вздохнула, а когда подняла голову, то обнаружила, что Энни внимательно наблюдает за ней.

Сердце гулко застучало в груди Аланы, голова стала легкой, ее бросило в жар.

– Вам плохо? – донесся откуда-то издалека голос Фионы.

Алана улыбнулась ей.

– Нет, что вы! Спасибо за беспокойство, со мной все замечательно, – ответила она, как ее учили – вежливо, приятным голосом, как подобает леди. Но ей самой показалось, что ее слова доносятся со дна глубокого колодца. Алана усмехнулась, борясь с желанием громко расхохотаться. Значит, сегодня свадьба не состоится. Ей дали отсрочку, пусть и ненадолго.

Эта мысль отрезвила ее. Надо немного вздремнуть, решила она, а потом попросить перо и бумагу, или же запряженную лошадью повозку, или даже коня. Куда отправиться – в Дандрум или в Гленлорн? Один из них находится к западу отсюда, другой к северу... Она закрыла глаза.

До Дандрум гораздо ближе, и к тому же она дала слово. Ее мать наверняка уже вне себя, особенно после того, что случилось с Меган. Поэтому Алана не вправе ни сбежать, ни обручиться с привлекательным незнакомцем, как сделала ее сестра, ни даже влюбиться. В Дандрум ее ждет лорд Мерридю, и ее долг – исполнить свое обещание и выйти замуж за человека, которого она не любит.

Глава 7

Иан взял пони за мохнатую ногу и принялся вычищать набившийся в копыто снег. При этом он задумался о беде Аланы Макнаб, потому что она и вправду попала в беду. Ему никак не удавалось отогнать от себя чудесное видение: Алана сидит в темной комнате коттеджа, темные волосы обрамляют обольстительное лицо, наготу прикрывает только плед. Губы приоткрыты, взгляд огромных глаз устремлен на него – такого же обнаженного, как и она...

Иан встряхнул головой и снова взялся за копыто. Нет, под плед он не заглядывал, но его руки и ноги помнят... Одернув себя, он перешел к следующему копыту.

Он просто поступил так, как следовало, вот и все. Любой мужчина на его месте сделал бы то же самое. Иначе Алана была бы уже мертва.

Но она выжила и теперь сидела у него на кухне, в обществе Энни и его сестры, безнадежно опоздав на собственную свадьбу.

Ее свадьба... Иан нахмурился. Ведь она же объяснила, что даже не пыталась сбежать. И все-таки она проделала путь длиной в двенадцать миль в сильную метель накануне свадьбы. Этот поступок не имел смысла.

Может, она просто поссорилась с возлюбленным, но что он за человек, если не бросился вдогонку за такой женщиной, как Алана Макнаб?

– Не мое дело, за кого она выходит замуж, – произнес вслух Иан, и пони с любопытством покосился на него. Вычищая следующее копыто, Иан задумался, как Алана расскажет жениху о событиях минувшей ночи и поймет ли он ее. На его месте Иан ни с кем не пожелал бы делить такую красавицу, как Алана, пусть даже по самым безобидным причинам.

– Она даже не пыталась сбежать, – пробормотал он, снова чувствуя на себе пристальный взгляд пони. – Она сама так сказала.

Если бы она осталась в Дандрум, сегодня ей предстояла бы первая брачная ночь, и она улеглась бы в постель совсем с другими, нежели вчера, более приятными целями. Эта мысль наполнила Иана отвращением. Он ощутил мгновенный укол... что это было за чувство? Инстинкт собственника? Ревность? Но у него нет никакого права ревновать, Алана Макнаб ему не принадлежит.

Как только позволит погода – может, даже завтра, – они отправятся в замок Дандрум, сообщить потерявшему покой жениху, что Алана жива, невредима и ждет его в Крейглисте. Сама она в ближайшие дни не в состоянии отправиться в путь, так что лучше пусть пока побудет в гостях. Поймет ли ее жених, что Иан переступил границы приличий лишь потому, что это было необходимо? Поверит ли ему?

– Ни на секунду, – ответил сам себе Иан, обращаясь к пони, и покачал головой.

Вдобавок придется решать, как быть с Пенелопой. Прошлым вечером он собирался сделать ей предложение, а сам... это всего лишь отсрочка, и не более. Предложение все равно придется сделать, и как можно скорее.

– Долг... – пробормотал он. Как ненавидел Иан это слово! Сочетаться браком с кем-либо только из чувства долга – это ужасно. Пенелопа заслуживает лучшей участи.

– С кем это вы беседуете?

Подняв голову, Иан обнаружил, что Пенелопа стоит, облокотившись на калитку денника, и наблюдает за ним. А он и не заметил, как она подошла. Если бы не вчерашняя метель, сейчас они были бы уже обручены. Конечно, он мог бы попросить ее руки прямо сейчас. Иан посмотрел на Пенелопу, на лице которой застыло выжидательное выражение, и его язык словно прилип к небу.

– Со своим пони, – ответил он, взявшись за последнее копыто.

– С лошастью, – поправила она. – В Англии мы называем «пони» лошадей совсем другой породы, а английским графам и в голову не приходит чистить конюшни. Когда вы станете графом Пембрук, конюшнями в Вудфорд-Парке займутся ваши слуги.

«Пембрук». Незаметно для Пенелопы Иан состроил гримасу. Он не мог даже выговорить слово «Пембрук» как полагается и хорошо помнил, как потешались над его произношением английские кузены, когда в детстве он гостил в Вудфорд-Парке. Его даже поколачивали за то, что он шотландец. Иан поморщился. Это было задолго до того, как он – и его английская родня – мог хотя бы предположить, что проклятый графский титул достанется именно ему. Теперь никто не посмел бы даже задеть его, во всяком случае, физически. Но насмехаться над ним все еще могли, правда, самого Иана никакие насмешки не волновали. А вот Фиона, добрая и застенчивая хромоножка Фиона, замечала любое оскорбление, как бы искусно завуалировано оно ни было. Ему придется вечно быть начеку, чтобы никто не посмел ее обидеть.

– Работы я не боюсь, – сказал он Пенелопе. – Вам чем-нибудь помочь?

Обычно в холодные дни его высокородная кухня за двери замка даже не выглядывала. Насколько было известно Иану, за все три недели, проведенных в замке, Пенелопа ни разу не прошла даже по саду. Уж она-то не заплутала бы в метель...

– Да нет, не надо, – Пенелопа придерживала у горла воротник плаща. – Холодно, – добавила она. – В Шотландии всегда так холодно?

Не удержавшись, Иан усмехнулся, но поспешил скрыть усмешку, делая вид, что ему срочно понадобилась скребница.

– Нет, иногда бывает дождливо, или ветрено, или пасмурно. Но летом здесь чудесно, – он принялся чистить жесткой скребницей шкуру пони, с удовольствием проводя по упругим мышцам.

Пенелопа открыла калитку и подошла ближе. Аромат ее духов перебивал даже привычные запахи конюшни.

– Может, и так, но летом нас здесь уже не будет. Вам придется привыкать к английскому лету – катанию на лодках, пикникам, клубнике... Вы любите клубнику, Иан?

Он взглянул в ее глаза, голубые и знойные, как летнее небо. Глаза Аланы поражали сходством с оттенками шотландского пейзажа. Ах да, клубника, заставил он себя вернуться к вопросу.

– А кто ее не любит? Здесь клубника тоже растет.

– Но вряд ли здесь она такая же сладкая, как в Англии! – Пенелопа шагнула к нему и коснулась его руки. Иан окинул ее взглядом: широко распахнутые глаза, приоткрытые губы, зовущие к поцелуям – или к предложению руки и сердца. Желудок Иана словно связало узлом. Она ждала, когда он заговорит, и все, что от него требовалось, – произнести те самые слова. Она согласится. Ей так велели.

Но Иан отвел взгляд.

– Вам лучше вернуться в дом, где тепло. Скоро снова начнется снегопад, – предостерег он.

Пенелопа нахмурилась.

– Мои сапожки будут испорчены! Это же ручная работа!

– Значит, они тонкие и не годятся для прогулок по снегу или по конюшне, – подхватил Иан, поймал Пенелопу за руку, отвел от кучки навоза, в который она чуть было не вступила, и отпустил. От прикосновения к ней он ничего не почувствовал – ни желания, ни вожделения, и конечно, никакого прилива любви. – Может, Энни подыщет вам обувь покрепче, а эти сапожки поберегите для Англии. И плащ вам нужен другой, потеплее.

Пенелопа любовно провела затянутой в перчатку рукой по тонкой голубой шерсти нарядного плаща, щедро расшитого по подолу и капюшону переплетенными веточками и

бутонами роз. Он служил скорее украшением, чем защитой от непогоды пострашнее легкой английской измороси.

– А этот плащ вам не нравится? Мама говорит, он подобран точно под цвет моих глаз. А вы как думаете? – Она снова придвинулась к нему, широко раскрывая глаза. Ее лицо оказалось в нескольких дюймах от его лица. Пенелопа облизнула губы, придавая им сочный блеск.

Иан засмотрелся в голубые озера ее глаз, она ответила ему долгим и томным взглядом, явно ожидая поцелуя. Но он не хотел целовать ее. Хотя попросту был обязан. Тетя Марджори права: из Пенелопы получится безупречная графиня. Она рождена для этого титула, а он не годится в графы. Может, он почувствует себя иначе, если поцелует ее... Сглотнув, Иан хотел было наклонить голову, но тут дверь распахнулась и в теплую конюшню ворвался холодный ветер со снегом. Пенелопа резко обернулась, Иан отступил.

– Надеюсь, не помешала, – Энни скользнула взглядом по Пенелопе, которая отошла к стене и скрестила руки на груди, поверх тонкого плаща. Глаза ее были холодны как лед.

Иан вздохнул с облегчением, хоть и не подал виду, и выжидательно посмотрел на Энни.

– Да я просто зашла сказать, что с той девушкой все будет хорошо, Иан. Ей бы отдохнуть, конечно, но переломов у нее нет. Пусть побудет у нас несколько дней. Ты не отнесешь ее наверх?

Иан с готовностью бросил скребницу и отряхнул – руки.

– Какая еще девушка? Куда ее надо отнести? – вмешалась Пенелопа.

– Что же ты не сказал, что у нас гостя, Иан? – упрекнула Энни. – Лэрд нашел в снегу замерзающую девчонку. Им пришлось переночевать вместе в ближайшей хижине, где больше не было ни души.

Пенелопа залилась гневным румянцем, от возмущения ее рот приоткрылся. Взгляд, который она метнула в Иана, был способен пронзить его, как стрела.

– Энни! – предостерегающе произнес Иан.

Старуха только усмехнулась и подала ему скомканный лоскут.

– Вот, возьми обратно свой платок. – Пока Иан запихивал его в карман, Энни объяснила Пенелопе: – Бедняжка сильно поранила ногу, и Иан перевязал ее своим платком вот здесь... – она указала на своем бедре место намного выше того, где была рана Аланы, и Иан увидел, как румянец Пенелопы приобрел густой сливовый оттенок.

Его кузина тряхнула головой.

– Какой глупый ребенок! Если не ошибаюсь, «девчонками» в Шотландии зовут детей? Энни хмыкнула.

– О нет, какой же она ребенок! Она взрослая женщина, притом красавица. День-другой она не сможет ходить сама, придется Иану носить ее на руках. Но это совсем не трудно: судя по тому, как она выглядит, она весит не больше снежинки. Верно, Иан?

Он не ответил. Голубые глаза Пенелопы сверкали от гнева. Иан нисколько не сомневался, что она даже забыла о ненавистном холоде.

– Неужели она и вправду не может ходить сама? В какой она комнате? – решительно спросила Пенелопа.

– В единственной достойной сестры графа – в зеленой спальне, – объяснила Энни.

Сердце Иана дрогнуло: зеленой спальней называлась его собственная комната. Алана будет спать в его постели... он с трудом заставил себя сосредоточиться.

– Сестра графа? – переспросил он.

– Да, а разве она тебе не сказала? Ее брат – Макнаб из Гленлорна, – ответила Энни.

– Кто он такой? – потребовала ответа Пенелопа, переводя глаза с Иана на Энни и обратно.

– Да мы почти не говорили, – признался Иан. Сестра графа!

Пенелопа изумленно воззрилась на него круглыми, как блюдца, глазами.

– Почти не говорили? За всю ночь? Чем же вы тогда занимались?

Пройдя мимо нее, Иан открыл дверь.

– Тем, что было необходимо, – проворчал он, выходя на холод. Начался снегопад, обещающая новые заботы. С Энни можно поговорить и потом, как только он устроит Алану... то есть леди Алану в его постели. Иан нахмурился, отворачивая лицо от порывов ветра. Постель теперь не его, а ее. На время. А он будет ночевать один в старой башне.

У дверей кухни он услышал хохот. Сэнди устроился у очага рядом с Аланой, на которую он смотрел с шальной, как у мальчишки, улыбкой, глуповатыми влюбленными глазами. Пламя в очаге подсвечивало темные волосы Аланы, придавая им сходство с сияющим ореолом, в котором попадались жаркие медные пряди. У Иана перехватило дыхание, он замер, не успев переступить порог, и Пенелопа, следующая за ним, с разбега натолкнулась на его спину.

Алана подняла голову и взглянула на Иана. Ее улыбка погасла, на щеках проступил легкий румянец. При виде этого зрелища сердце Иана дрогнуло, он с трудом сглотнул.

Сэнди тоже поднял голову, но его улыбка стала только шире. Он проворно поднялся.

– А я тут немного потолковал с девушкой, – он заложил большие пальцы за ремень и гордо выпятил грудь. – Я же местный егерь, вот и решил узнать, что поймать ей на ужин – может, жирную куропатку или же кролика для пирога.

Энни отогнула края воротника, стряхивая с платья снег.

– Ты уж без малого десять лет как не егерь, Сэнди. Ты и целиться давно разучился. Лучше отправь к ней с расспросами Логана.

Сэнди сник.

– Я сам научил этого мальчишку всему, что знаю, а поставить капкан мне до сих пор под силу.

Энни повела бровью.

– Хотя Логан тебе и сын, он уже взрослый, у него самого уже четверо детей, так что никакой он не мальчишка, а ты – тем более. Что сейчас нужно девушке, так это сытный мясной суп. Так что ступай в курятник, ставить капканы на кур, – велела Энни, и старый егерь с ворчанием побрел прочь из кухни.

– Добрый день, – произнесла Пенелопа, проскользнув мимо Иана и останавливаясь перед гостьей, которую смерила высокомерным взглядом. – Позвольте поприветствовать вас в Крейглите. Я леди Пенелопа Карри.

Алана улыбнулась и протянула руку.

– Леди Алана Макнаб, – произнесла она на безупречном английском. – Простите, что не могу подняться и сделать книксен, как полагается.

Иан не мог отвести от нее глаз. Сестра графа, умеющая говорить на безупречном английском и явно знающая толк в английских манерах! Известно ли ему об этой девушке хоть что-нибудь? Да нет, почти ничего.

– Ничего, вот поправишься, тогда и делай книксены, сколько душе угодно, а пока выпись хорошенько, – вмешалась Энни. – Иан!

Иан обошел Пенелопу и бережно подхватил Алану на руки. Она и вправду казалась невесомой. Попытавшись обхватить Иана рукой за шею, под пристальным взглядом Пенелопы, Алана вдруг замерла, ее щеки порозовели. Все лучше, чем мертвенная бледность, подумал Иан. Теперь она была теплой, от нее пахло травами и виски, к ним примешивался слабый запах его мыла – должно быть, от пледа. Этот запах казался печатью владельца. Алана подняла голову, встретила взглядом с Ианом и зарумянилась, как небо на закате. Ее губы оказались совсем рядом – такие сочные, безупречные губы. Вот эту женщину ему

хотелось поцеловать! Спohватившись, Иан взглянул на Пенелопу и увидел, как закипают в ее глазах подозрения и зло сжимаются челюсти.

Повернувшись, он направился по кухонному коридору, а затем через большой зал к лестнице. Каблуки Иана гулко стучали по каменным плитам пола, но не заглушали острое и резкое цоканье каблучков Пенелопы. Энни шла впереди, показывала госте зал и столовую, на гэльском языке делилась подробностями истории замка Крейглит и клана Макгилливреев.

Иан не слушал ее: он помнил лишь об Алане в его объятиях и о том, что Пенелопа неотступно следует за ним. Кузина взглядом словно сверлила его спину между лопатками. На миг Иан испытал приступ раздражения. Он не давал Пенелопе никаких поводов для ревности, вдобавок они еще даже не помолвлены. Он просто делает то, что следует, и не более того. Но вместе с тем он ощущал уколы совести, радуясь тому, что держит Алану в объятиях и вдыхает аромат ее кожи. Алана слушала Энни, рассматривала дом Иана, и он невольно следил за ее взглядом и видел все то же, что и она. Крейглит был возведен около четырехсот лет назад. Когда отец Иана, англичанин, женился на его матери-шотландке, то пристроил к дому новое крыло. Древняя каменная стена по одну сторону коридора была увешана дирками – короткими шотландскими кинжалами, тарджетами – круглыми щитами и лохаберскими секирами. Двери вели в старую оружейную и комнату рыцарей, а лестница – наверх, в башню и верхнее жилое помещение – соляр. Противоположная стена коридора была обшита полированным дубом. В ней находились двери совершенно английской по убранству библиотеки, маленькой гостиной и огромной столовой, достойной принять короля Англии, если он когда-либо осмелится заехать так далеко на север и окажется настолько здравомыслящим, что заглянет на ужин в Крейглит.

Иан гордился своим домом. Он задумался: интересно, намного ли роскошнее Гленлорн? А дом жениха Аланы? Оказывается, Алана – леди, а не простая шотландская девчонка, которая заблудилась, отправившись на поиски своих коров. Она привыкла к роскоши, которую в этом доме вряд ли увидит. Если бы он заранее знал, кто она такая, повел бы он себя минувшей ночью иначе или нет? Любопытно. Но ответа на него Иан не знал.

Энни открыла дверь его спальни. Переноса Алану через этот порог, который значил для него гораздо больше, чем прежний, Иан невольно затаил дыхание. Его одежда и прочие вещи лежали на привычных местах, висели на крюках и на стуле, были свалены на сундуке в углу. На письменном столе у окна возвышалась неровная кipa книг. Постель была заново застелена, простыни согреты, Энни приглашающим жестом откинула одеяла. В камине пылал огонь. Алана замерла на руках Иана.

– Но эта комната кому-то принадлежит...

– Да, Иану, но он не против, – откликнулась Энни, опередив его. – Здесь тебе будет удобнее.

Иан бережно усадил Алану на кровать, она посмотрела на него, запрокинув голову.

– А где же будете спать вы?

Смысл этого вопроса дошел до Иана, вызвал осознание, пронзил чресла. Ему представилось, как он ложится в постель рядом с ней – на этот раз никто из них не мерзнет и не хочет спать, и... Иан тряхнул головой и отступил, стиснув руки за спиной.

– В Крейглите есть и другие комнаты.

– Спальня лорда свободна, Иан. Вы могли бы занять ее, – предложила Пенелопа.

Он по-прежнему называл ту комнату отцовской, редко бывал там и ни к чему не прикасался с тех пор, как его отец, лорд Энтони Марстон Макгилливрей, скончался почти десять лет назад. Великолепию отцовской спальни Иан предпочитал свою – более скромную и менее английскую. Даже его отец, который обставил свои покои по образцу величественных английских поместий, чаще проводил ночь в просто отделанной спальне своей супруги.

– Сойдет и башня.

Иан заставил себя отступить еще на шаг от кровати, а Энни объяснила:

– Пока он не женат, он наотрез отказывается переселяться в спальню лорда.

– В таком случае самое время решиться, – вмешалась Пенелопа подошла к Иану и взяла его под руку. Ее пальцы показались ему острыми когтями хищной птицы, безжалостно и по-хозяйски впившимися ему в рукав.

Иан увидел, что и Алана скользнула взглядом по руке Пенелопы, и сразу все поняла – это понимание отразилось у нее в глазах. Как ни в чем не бывало он отстранился от кузины и принялся собирать вещи.

Энни наблюдала за ним, склонив голову, и Иан попытался понять, о чем она сейчас думает. На всякий случай он послал ей предостерегающий взгляд и направился к двери, но у порога оглянулся на Алану. Она сидела на его постели такая поникшая и усталая, что он потянулся к ней всем сердцем. И ощутил нестерпимое желание приложить ладонь к ее лбу, проверить, нет ли жара, потом уложить ее на подушки, подоткнуть одеяло и задернуть шторы.

– Отдохните как следует, леди Алана, – произнес он, решительно поклонился и торопливо вышел.

Пенелопа последовала за ним.

– Ей было бы удобнее отдохнуть у себя дома, разве не так? Напрасно Энни утруждает вас по пустякам. Пусть за гостьей присмотрят слуги, а если ей нужен врач, наверняка в округе найдется какой-нибудь.

Иан скрипнул зубами.

– В Шотландии принято оказывать путникам радушный прием и окружать заботой. А нашей гостье нужен хороший уход, отдых и доброе отношение. О ее здоровье позаботится Энни.

– Я могла бы спросить у моей мамы, – предложила Пенелопа. – Она лучше знает, что делать.

Иан остановился так внезапно, что Пенелопа чуть не врезалась в него снова.

– Не здесь, Пенелопа. Не в Шотландии. Это мой дом, и здесь решения принимаю я, как лэрд Крейглинта. Если этой девуш... то есть леди нужна помощь, я с радостью предоставлю ее. Как и вы, она моя гостья.

Пенелопа побледнела.

– Но я ведь не просто гостья, Иан... – начала она, однако он уже повернул в коридор, ведущий в старую часть замка и башню. Да, он мог бы – и должен был! – остановиться, обернуться, встать на колени и сделать ей предложение. Но Иан бросил взгляд назад, на плотно прикрытую дверь своей спальни, за которой осталась Алана, и слова застряли у него в горле.

– Увидимся за ужином, Пенелопа, – произнес он вместо предложения руки и сердца.

– Иан! – сказала она ему вслед, и он остановился.

– Что?

– Что бы вы хотели получить в подарок на Рождество?

«В подарок на Рождество?» Он обернулся.

– Это совсем не обязательно, – заверил Иан. – Вы же гостья.

– Да, но я могла бы стать не просто гостьей... – снова напомнила она. – Вы ведь помните, что моя комната находится совсем рядом с покоями лорда?

Ее взгляд был полон надежды, голубые глаза широко раскрылись. Еще один шанс сделать предложение был упущен: пауза повисла, затянулась и вызвала неловкость.

– Мне будет удобнее в башне, – сказал Иан и принялся торопливо подниматься по лестнице. Пенелопа смотрела вслед ему, стоя у подножия.

Иан вдруг поймал себя на мысли, что он спасается бегством, совсем как Алана. Он стиснул зубы и продолжал свой путь вверх. Нет, он никуда и не думал бежать.

Несомненно, его кузина сейчас направится напрямик в комнату его тетушки. Вдвоем мать и дочь примутся строить планы следующего этапа его поимки, решать, как поставить его на колени – точнее, на одно колено. Его сочтут упрямым и неотесанным, а на самом деле он просто опасается за чувства Пенелопы и свои собственные. Так или иначе, ему придется смириться с неизбежным и найти способ произнести те самые слова.

Но только не сейчас – может, через день-другой. После того как уедет Алана Макнаб.

Глава 8

- Элизабет, просыпайся! – Фиона потрясла за плечо кузину.
- Какой час? – сонно пролепетала Элизабет. – Наверное, рано, еще даже не рассвело. Фиона не переставала удивляться: неужели в Англии принято спать допоздна?
- Уже почти десять. А темно снаружи из-за непогоды. Иан, к счастью, вернулся, и ты не согласишься – у нас гости, как и сказала Энни!
- Кто? Твоя истинная любовь? – пробурчала Элизабет, ныряя с головой под одеяло. Но Фиона решительно стянула одеяло с кузины, и та сжалась в комочек, взвизгнув от холода.
- Фиона скрестила руки на груди.
- Может, даже истинная любовь, только не моя. Она красива, молода и вдобавок сестра графа.
- Элизабет разом открыла глаза.
- Правда? Откуда же она взялась?
- Фиона схватила подушку, прижала к груди и обняла.
- Она сбилась с пути, ее чуть не занесло снегом, а Иан спас ее. Так романтично, правда?
- Да... – Элизабет вздохнула и села на постели, ее глаза взволнованно заблестели. – Говоришь, кто она?
- Ее зовут Алана Макнаб. Энни говорит, привезти ее сюда было все равно что пустить кошку к голубям, – повторила слова старухи Фиона.
- Элизабет нахмурилась.
- К каким еще голубям? – Приподняв брови, Фиона подождала, когда до кузины дойдет смысл ее слов. – А-а, ты про Пенелопу! Голубка Пенелопа... – она захихикала.
- Вот именно, – лукаво усмехнулась Фиона.
- Она хорошенькая?
- Фиона вздохнула.
- Да, очень.
- Блондинка или брюнетка?
- Брюнетка, – сообщила Фиона.
- Элизабет вздохнула.
- Тогда хорошо. Англичане предпочитают блондинок – так мама говорит, не мне, конечно, а Пенелопе, потому что она у нас украшение семьи, а у меня волосы мышиного цвета. А глаза?
- У нее их два, – сострила Фиона.
- Я про цвет, глупая.
- Цвета шотландского нагорья морозным утром – золотисто-коричневые с серебром, – объяснила Фиона.
- А у Пен просто голубые. Она пухленькая или тоненькая?
- Стройная, но... – Фиона сделала выразительный жест руками перед собственной плоской грудью. Элизабет вытаращила глаза. – И ноги у нее тоже красивые – вернее, красивая та нога, которую я видела, хоть она и была сплошь в синяках и царапинах. В метель она упала и поранилась, а Иан нес ее всю дорогу до дома, и...
- Нес! – Элизабет прижала ладони к груди. – Далеко?
- Конечно, я же говорю – всю дорогу, много-много миль, закутав в свой плед и перевязав рану своим носовым платком. Тем самым, который я вышила и подарила ему на прошлое Рождество.
- Элизабет склонила голову набок.
- Носовым платком? Это что, шотландский обычай?

Фионе вспомнилось, каким ласковым взглядом ее брат смотрел на Алану. И взгляд Аланы был таким же, и оба они, казалось, не замечали никого вокруг.

– Не знаю... – с расстановкой произнесла она. – Если и так, я, наверное, еще слишком молода и не понимаю, в чем его значение.

– Значит, надо выяснить! – Элизабет прыгнула с постели и бросилась к шкафу. Вытащив платье, которое надевала накануне, она принялась рыться в кармане. – Вот, последний остался... – она извлекла пучок трав – точно такой же, какие они сожгли в камине. – Мы сможем добыть прядь ее волос?

Фиона изумленно уставилась на кузину.

– Не глупи! Как можно прийти к госте, да еще раненой, и попросить у нее прядь волос?

– А что такого? – возразила Элизабет. – Или отрезать потихоньку, пока она не видит.

– Тогда она точно подумает, что мы обе спятили!

– Неужели тебе не интересно? – воскликнула Элизабет. – А если она и есть истинная любовь Иана, как по волшебству присланная сюда как раз на Рождество?

Фиона ощутила, как по телу пробежал трепет. А вдруг и правда?.. Она отмахнулась от волнующих – мыслей.

– Ты же помнишь, Лиззи, для себя мы ничего не колдовали. С чего ты взяла, что чары подействуют для нее?

Ей вспомнился сноп искр, улетевших в дымоход, ответный вой ветра, внезапность метели, и по спине снова побежали мурашки.

– А вдруг на этот раз все получится? – не унималась Элизабет. – По-твоему, нет ничего странного в том, что мы с тобой колдовали и просили подарить нам истинную любовь на Рождество, а потом появилась она – закутанная в плед твоего брата, с повязкой из его носового платка?

Фиона задумалась.

– И Энни предупреждала, что у нас будут гости, и вот пожалуйста – она здесь. А если мы что-нибудь разглядим в огне? И правда похоже, как будто к голубям пустили кошку.

Элизабет захихикала.

– Еще как похоже! Пенелопа взбесится. Вот смеху-то будет!

Глава 9

– Вот куры, Энни, – Иан выложил на кухонный стол три тушки. Сэнди поймал было гуся, но Иан велел отнести его обратно в птичник. Сэнди уже вернулся, раскурил трубку и устроился у очага.

Шона подошла к столу, потыкала тушки пальцем и усмехнулась.

– И мясистые, и молоденькие. Как там гусь – жиреет? Поспееет к рождественскому ужину?

– Не догадался спросить, – с улыбкой отшутился Иан. Живот Шона стал таким огромным, что казалось, она вот-вот разродится четвертым малышом. Энни предсказывала, что он родится накануне Рождества, и самые отъявленные спорщики уже держали пари насчет даты этого счастливого события. Логан ходил гордый, каким только способен быть отец, и хотя Сэнди жаловался, что в коттедже, где он жил вместе с семьей сына, и без того шумно и не хватает только воплей новорожденного, он тоже явно был доволен.

Энни скрестила руки на груди и впиалась пронизательным взглядом в Иана.

– Собираешься оставить?

– Кого – гуся? – уточнил Иан, хотя прекрасно понял, кого имеет в виду старуха. В глазах Сэнди и Шона он прочел тот же вопрос.

– Не гуся, а девушку. Леди Алану Макнаб.

– Ага, есть даже древний шотландский обычай, – вставил со своего места у очага Сэнди. – Кто нашел заблудившуюся корову или девчонку, того и добыча. Она красотка, вот только встанет на ноги – и получится из нее добрая жена.

Иан тоже скрестил руки на груди и ответил Энни взглядом в упор.

– Конечно, получится, только обручена она с другим, – сказать по правде, почти замужем.

– Раз «почти», это еще ничего не значит, – возразила Энни и вместе с Шона принялась ошипывать кур.

– Мы больше не крадем невест. Шотландцы не варвары, – напомнил ей Иан.

Сэнди поскреб бороду.

– А мой дед украл себе жену. Она была из Фрейзеров. Поехал добывать себе корову, а девчонка ни в какую не захотела отпускать веревку, вот и пришлось ему вести к себе домой обеих. Дед вернул бы ее – не корову, девчонку, – а она возьми да и скажи, что влюбилась в него и никуда не уйдет. Ну, он и обручился с ней, чтобы дать время поразмыслить и передумать, а тут и сам в нее влюбился по уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.